

ЮРИЙ КАЧАЕВ
ТАЁЖКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Школьная
библиотека*

ЮРИЙ КАЧАЕВ
ТАЁЖКА

ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

Издательство
„Детская литература“
Москва 1972

Юрий Григорьевич Качаев родился в 1937 году в сибирском селе Бразное. В трудное военное время учился в сельской школе, затем окончил институт иностранных языков. Трудовая деятельность писателя связана с детьми: он работал учителем, сотрудничал в газете «Пионерская правда» и журнале «Пионер». Юрий Качаев много ездит по стране. Он побывал на Памире, в тундре, на Курильских островах — у пограничников, археологов, моряков. И поэтому «география» его книг (а их больше пятнадцати) так обширна, и самые разные люди живут в его рассказах и повестях.

РИСУНКИ Е. МИГУНОВА

ТАЁЖКА

Посвящается Наде

В ДОРОГУ

Ночью к избушке приходили волки. Они садились у старой подсоченной сосны и начинали выть. Василий Петрович дважды вставал, брал ружье и выходил за порог.

Вой сразу стихал, потом раздавалось короткое «буо-ахх» и скрипел снег.

Таёжка представляла волчьи следы на зернистом лунном снегу, пугалась и натягивала одеяло до подбородка.

С рассветом Василий Петрович взял широкую деревянную лопату и, пока Таежка кипятила чай, расчистил сугробы вокруг зимовья. За оттаявшим окошком темнела стена бора.

Таежка торопливо глотала чай из толстой эмалированной кружки; чай был горячий, и в него пришлось бросить осколок

мерзлого молока. Молоко Таежка не любила. Когда отец принёс из деревни ледяные, каменной крепости круги, Таежка снимала с них ножом только желтые шапочки — сливки. Если их посыпать сахаром, получается почти мороженое.

Последний раз Таежка ела мороженое в Красноярске, куда они с отцом ездили по делам. Город был большой, но не такой шумный, как Москва. В памяти у Таежки остались широкие прямые улицы, обсаженные сибирскими кленами, лысая громада Караульной горы с часовенкой на вершине, тонкий шпиль речного вокзала, зеленоватая солнечная гладь Енисея и белые пароходы на ней. И еще запомнилось здание Лесотехнического института, куда отец заходил повидать какого-то товарища.

Позавтракав, Таежка сложила в рюкзак книги и стала одеваться.

— Я тебя провожу, — сказал Василий Петрович.

Они вышли, надели лыжи и заскользили по следу, который вчера проложила Таежка. Пар от дыхания сразу смерзался, и воздух чуть слышно шелестел, как будто в руках разминали шелк.

В стороне от лыжни снег держал плохо, но Таежка все время сворачивала в сторону и разглядывала следы. Особенно много следов было в березняке. Здесь ночевали тетерева: в снегу повсюду темнели их лунки с катышками помета.

В одной из лунок Таежка нашла горстку перьев, а вокруг были следы, похожие на собачьи.

— Лиса, — сказал Василий Петрович. — Погубила птицу, разбойница.

Еще Таежка видела замысловатые петли заячьих следов: две лапки впереди, рядышком, и две сзади — одна за другой.

Утро медленно набирало силу, и деревья уже отбрасывали длинные голубые тени. Когда вдалеке, за пустынной гладью зимней реки, засветились огоньки деревни, Таежка сказала:

— Дальше не провожай. Сама добегу.

Она обернулась. Отец стоял, опираясь на лыжные палки, и улыбался. Борода и усы у него были совсем белые от инея.

— Ты похож на Деда-Мороза,— сказала Таежка.— И я тебя очень-очень люблю.

Василий Петрович смутился.

— Ладно,— сказал он.— Я буду ждать тебя в субботу. Придешь?

Он снял рукавицу, подошел вплотную и протянул Таежке руку. Рука была большая и теплая.

— Я, наверное, приду с Мишкой,— сказала Таежка и, сильно отталкиваясь палками, побежала по лыжне.

Огоньки мелькали все ближе и ближе. Половина Мариновки еще спала, но где-то уже скрипел колодезный журавель и сонно брехали собаки. По дороге Таежке встретился обоз. Таежка посторонилась, и мимо нее прошло до десятка лошадей. От них вкусно пахло сеном, теплом и дегтем. В санях, завернувшись в дохи, сидели возчики и попыхивали махорочными цыгарками.

В Мишкином доме горел свет.

Таежка сняла лыжи и вошла в полутемный, крытый листвяжными плахами двор. На нее залаяла собака.

— Буря, Буранка! — шепотом позвала Таежка.— Не узнал?

Огромный волкодав подошел и завилал хвостом. Таежка достала из кармана кусок сахара и протянула собаке. Буря осторожно, губами, взял с ладони сахар и с хрустом разгрыз.

Таежка пошла к крыльцу. Буря бежал рядом и заглядывал ей в глаза.

— Хватит,— строго сказала Таежка.— Вконец избаловался.

Она постучалась и, не дожидаясь ответа, потянула на себя тяжелую, обитую войлоком дверь. У печки возилась с чугунами Мишкина мать.

— Доброе утро,— сказала Таежка.— А где Миша?

— Пошел корове сена дать. Раздевайся. Заколела небось?

— Нет, я не замерзла. Всю дорогу — бегом.

Мать поставила на стол стакан горячего чаю и тарелку со свежими шаньгами. Шаньги были такие пухлые и румяные, что казались живыми, и Таежка не смогла отказаться.

— Я столько ем,— жалобным голосом сказала она,— что скоро стану совсем толстая.

— Ну, до этого далеко,— усмехнулась Мишкина мать. Вошел Мишка.

— Ух и морозец же нынче! — объявил он, снимая шапку и приглаживая на голове короткий белый хохол.— Градусов пятьдесят, аж зубы ломит.

— От вранья,— добавила мать.

Таежка засмеялась. Мишка налил себе чаю и, покосившись на мать, наклонился к Таежке:

— Ты поторапливайся. Мне еще немецкий списать надо.

Мать положила Мишке в мешок пирогов с молотой черемухой, кедровых орехов, сала, сушеных грибов и сказала Таежке:

— Ты там присматривай за ним. Парень-то безголовый. А в субботу за вами Федор приедет. И когда только эта морока кончится!..

«Морока» заключалась в том, что в Мариновке была только начальная школа. Поэтому Мишка с Таежкой учились за сорок километров от дома, в Озерске.

Одевшись, ребята вышли на улицу. Буран провожал их до самого селъпо. Возле селъпо стояла Фекина трехтонка.

Капот ее был заботливо укутан в стеганный ватный кожух, и мотор добродушно порывкивал. Сам Федя сидел в чайной и ел суп. Его силуэт темнел в желтом окне, будто вырезанный из толстого картона.

Мишка подошел и постучал в стекло. Федя повернулся, сделал руку козырьком и закивал головой.

— Полезли в кабину,— сказал Мишка и открыл дверцу.

В кабине было тепло, сладко пахло нагретым бензином. Мишка включил фары, и на дорогу легли два слепящих круга. В вязких снопах света медленно роилась изморозь.

Потом в кабину влез Федя и весело спросил:

— Ну, цутики, поехали?

Машина взревела и рванулась вперед.

Скоро огоньки села остались позади, и потянулась степь с ред-

кими березовыми колками. С левой стороны от дороги снег был как будто перепахан гигантским утюгом. Здесь недавно прошел грейдер, оставляя за собой крутые снежные гряды, чтобы не заносило дорогу в город.

Дорога была горбатая. Местами ветер слизал с нее снег, и дорога чернела голыми проплешинами. Через четверть часа выехали на зимник¹, и под колесами грузовика заскользило гладкое зеркало льда.

— Как по асфальту,— сказала Таежка.

Федя сунул в рот папиросу и тихонько запел:

Это было давно,
Год примерно назад.
Вез я девушку
Трактом почтовым...

Потом в песню вступил Мишка. Вдвоем у них выходило здорово: хриловатый, ломкий басок Феди и тоненький Мишкин голос.

Попросила она, чтоб я песню ей спел.
Я запел, и она подхватывала...
Коня мчались стрелой,
Будто ветер степной,
Будто гнала нечистая си-ила-а...

А утро все больше светлело и ширилось. Мимо мелькали прибрежные деревья в тяжелых гроздьях инея; тускло синев, пробегали сугробы, и летел под колеса сизый стеклянный лед.

ЗЛОСЧАСТНАЯ ЧЕТВЕРКА

В школе еще никого не было. Только по коридорам бродила заспанная тетя Дуся и растапливала печи. В гулких, пустых классах пахло смолой и горьким дымком.

В 6-м «В» топилась высокая голландская печь, до самого по-

¹ Зимник — зимняя дорога по реке.

толка закованная в железные листы. Мишка приоткрыл дверцу топки, и на полу запрыгали оранжевые зайчики.

Мишка блаженно щурился и кряхтел, как старый старик.

— Табаку взяла? — спросил он, не поворачивая головы.

Таежка достала из портфеля газету и табак, завернутый в носовой платок. Табак ей приходилось тайком брать у отца. Он вряд ли мог заметить пропажу, потому что одной горсти Мишке хватало на всю неделю. Да и курил-то он для пущей важности.

Пока Мишка трудился над своей сигаркой, Таежка, высунув кончик языка, переписывала ему домашнее задание по немецкому.

— Ты не больно-то старайся, — посоветовал Мишка. — А то никто не поверит. Кляксы штуки две ляпни.

— Хорошо, — отозвалась Таежка и посадила аккуратную кляксу.

Потом стал собираться народ. Пришли толстый Генка Зверев и Витька Рогачев, по прозвищу «Курочка-Ряба». Он и правда походил на курицу — с остреньким носиком и круглыми птичьими глазами. Генка и Курочка-Ряба отличались тем, что дрались даже на уроках, но почему-то всегда ходили вместе. Может быть, их роднило то, что оба они были из одной деревни и оба «хромали» в диктантах.

Потом появились Щегловы, братья-близнецы, низкорослые и краснощекие, похожие на медвежат.

Братья заглянули через плечо Таежки и разом спросили:

— Немецкий?

Согласованными, одинаковыми движениями они открыли свои портфели, достали тетради и ручки и деловито принялись списывать.

— Хорошо Мишке, а? — сказал Курочка-Ряба и подмигнул Генке Звереву. — Тайка ему даже нос вытирает.

Таежка покраснела и склонила голову еще ниже над тетрадкой.

— Ты у меня поговори, — лениво отозвался Мишка. — Давно с расквашенным носом ходил?

Курочка-Ряба подошел к Таежке и больно дернул ее за косу. Мишкиного благодушного настроения сразу как не бывало. Он вскочил, и быть бы Витьке битым, да тут вошел Максим Александрович, классный руководитель 6-го «В». Ребята звали его Сим Санычем.

Таежка успела сунуть тетради в парту, а Щегловы так и остались сидеть с разинутыми ртами.

— Ну, братья-разбойнички, попались? — сказал Сим Саныч, подходя к ним. — Н-да, грязь немытая, грязь осенняя... Даже списать как следует не умеете. Сте-но-графисты!

— Торопились, Сим Саныч, — простодушно объяснил один из братьев. — Разве ж тут чисто получится?

— Очень вам сочувствую. — Сим Саныч тяжело вздохнул и вдруг спросил: — А отчего это у вас, милейшие мои воспитанники, дух, как на табачной фабрике? А?

«Милейшие воспитанники» состроили непонимающие рожи.

— Ладно, — сказал Сим Саныч. — Сам догадываюсь. Прославленный куряка Михаил Кузьмич Терехин опять притащил полный карман первосортных стамбульских табаков. Ну-ка, Михаил Кузьмич, подойди к столу.

Мишка нехотя двинулся к столу. Он шел так, как ходят посуху водолазы.

— Давай вываливай, — сказал Сим Саныч. — Чего уж там... Карманы у Мишкиных штанов были знаменитые — рука

в них уходила по локоть. Мишка встал на цыпочки и вывернул на стол оба кармана. Первый в основном содержал проволоку и какие-то гвозди, из второго Мишка извлек горсть махорки.

— Только-то! — удивился Сим Саныч. — Да это ж тебе на одну закрутку.

Мишка переминался с ноги на ногу и томился.

— И вообще я должен сказать, что самокрутки — это уже не модно, — продолжал Сим Саныч. — В день рождения Михаила Кузьмича я подарю ему трубку.

— Не надо мне трубки, — решительно отказался Мишка. — Я ведь так, Сим Саныч, для сугреву попробовать.

— Пробовать будешь, когда усы вырастут, понял?

— Понял.

— Ну, я рад, что ты такой понятливый. — Сим Саныч выбросил махорку в печь и повернулся к братьям Щегловым: — А вы зарубите себе на носу — в другой раз разговор у нас будет особый.

Когда классный руководитель вышел, Мишка зачем-то заглянул в печь и сокрушенно покрутил белой головой:

— Надо ж... Вот нюх у человека!

Первый урок вела «немка» Елизавета Морисовна, тучная и на вид очень грозная женщина. Но у нее был тоненький, как у девочки, голос и близорукие глаза. Поэтому никто ее не боялся. Кроме того, ребята хорошо знали одну слабость своей учительницы: она была влюблена в старых немецких поэтов. Когда не хотелось отвечать урок, кто-нибудь из мальчишек вставал и при торным голосом просил:

— Елизавета Морисовна, почитайте стихи.

Учительница закрывала глаза и начинала:

Мне горы — родина и дом,
Гроза ль кругом, гремит ли гром,
Шипит ли молния змеей,
Не заглушить ей голос мой.
Я сын великих гор!
В грозу под солнцем я стою;

Она ревет, а я пою.
Я — сын свободных гор!

И пока Елизавета Морисовна читала стихи, «слушатели» играли в морской бой, зубрили правила по русскому, рисовали, пускали бумажных голубей и читали «Трех мушкетеров».

Но сегодня номер не прошел. Не успел Мишка заикнуться о стихах, как его вызвали к доске и попросили составить короткий рассказ о зиме. Мишка долго откашливался, наконец выдал из себя две-три фразы, перепутал зайца со штанами¹ и наверняка получил бы двойку, но выручило домашнее задание с одной-единственной кляксой. Елизавета Морисовна поставила ему тройку.

На перемене пронесся зловеющий слух: по русскому будет диктант. Курочка-Ряба ходил по классу бледный, заглядывая всем в глаза и ныл:

— Помогите, братцы, — ведь третью пару получу.

На него не обращали внимания, потому что Елизавета Морисовна забыла на столе классный журнал. Ребята сгрудились вокруг стола.

Генка Зверев растолкал всех, завладел журналом и недолго думая поставил себе по немецкому четверку.

— Что делаешь, толстый дурак? — сказал ему Мишка. — Сам сроду четверки не получал, а теперь всему классу влетит.

— А зачем она мне прошлый раз двойку поставила? Все видели, что неправильно.

Мишка пожал плечами:

— Дело твое. Только у Сима это даром не пройдет.

Мишка оказался прав. После урока Сим Саныч (он преподавал математику) остановился возле Генки и сказал:

— Зверев, иди-ка к столу.

Генка вышел.

— Теперь садись и возьми журнал.

Генка недоуменно потянул к себе журнал:

¹ Д е р Х а з з — заяц; д и Х о з е — брюки (нем.).

— А дальше что?

— Ставь себе оценки какие хочешь, по любому предмету.

Толстое лицо Генки стало пунцовым.

— Не стесняйся, Зверев. Отныне свои знания тебе придется оценивать самому. Очень тебя прошу — избавь от этой обязанности учителей. Оставайся в классе и трудись. А мы пойдем на лыжах.

Сим Саныч направился к двери, бросив на ходу:

— Спускайтесь в кладовую. В коридоре не шуметь.

Класс на цыпочках пошел следом, оставив Генку наедине с его злощастной четверкой.

ВЕСПА ИДЕТ

Интернат помещался в старом пятистенном доме. Дом был сложен из могучих кедровых бревен и разделен на две половины. Половины отличались друг от друга, как небо от земли.

По выражению Сим Саныча, в одной из них жили девочки, а в другой «кызыл-кайсацкая орда». На половине «орды» чуть ли не круглые сутки топотало и ревело стадо диких слонов: там играли в бабки, ненароком сокрушали стулья, переворачивали кровати и дрались. Тишина там наступала тогда, когда приходил Сим Саныч и «орда» садилась за уроки.

Сегодня вечером на мужской половине было непривычно тихо. Таежка знала почему: мальчики приступили к созданию аэросаней, раздобыв для этой цели старый двигатель от мотоцикла.

Девчонки несколько раз пытались проникнуть в «мастерскую», но в дверях на страже стоял Генка Зверев и щедро раздавал тумак. Девчонки покрутились-покрутились да так ни с чем и вернулись восвояси.

Когда все улеглись спать, Таежка зажгла настольную лампу и села писать письмо.

«Мам! — писала она. — Мне живется хорошо и весело. И Мишка очень хороший тоже. Он всегда за меня заступается. Мама,

Таяжка зажгла настольную лампу и села писать письмо.

скоро весна, а ты все не едешь. Мы с папкой ждали тебя к Новому году и даже устроили елку. В лесу у нас красиво и совсем нестрашно. Только там нет электричества, а темнеет рано, и надо ложиться спать.

Сейчас мы с Сим Санычем готовим весенний концерт, а Мишка даже сочинил частушки:

Две болтливые сороки
На колу болтаются,
Генка с Витькой после драки
Сразу обнимаются.

Это про Генку Зверева и Витьку Рогачева. Они всегда дерутся, а Витьку зовут Курочка-Ряба. Еще Мишка сочинил и про себя:

Облака летят по небу,
Солнце улыбается,
А Терехин над задачей
Очень долго мается.

Когда он пел, мы прямо помирали со смеху. А я разучиваю грустные стихи «Смерть пионерки». Это о девочке Валентине, у нее мать неосознательная и верит в бога. А Валентина — пионерка. И вот она тяжело заболела, и мать говорит: «Надень крест, и ты будешь живая». А Валентина говорит: «Нет, пусть лучше я умру». А за больничным окном шагают отряды ребят и поют пионерские горны. Это такие стихи, мам, что хочется плакать. Я и плачу иногда ночью, потому что скучаю по тебе. Приезжай скорее, мамочка. А то я сама слышала, как наши уборщицы меня жалели. Они говорят, будто ты нас бросила. Я не стала им рассказывать про твой институт и что тебе нужно получить диплом. Зачем? Только очень стыдно бывает, когда тебя жалеют.

Мама! Непременно передай привет девочкам, с которыми я училась. Скажи, что я их помню...

Целую тебя с папкой крепко-крепко. Твоя Тая.

Совсем забыла написать: Сим Саныч сказал, что в этом году у нас начнут строить новый интернат».

...Таежка погасила свет и легла. Она долго не могла заснуть, все думала, как славно бы они зажили, если бы приехала мама. Летом они ходили бы купаться, загорали и собирали ягоды, а потом готовили ужин и поджидали отца. И отец, как раньше, взял бы маму на одну руку, ее, Таежку, на другую и понес бы в дом. И все трое смеялись бы до слез. Как раньше. А теперь у отца глаза печальные, и улыбается он редко...

Таежка вспомнила тот вечер, когда отец объявил о своем решении поехать сюда, в Озерский район. Лесной инженер, сказал он, должен работать в тайге, а не в четырех стенах кабинета. В кабинетах пусть сидят Кузнецовы, которые и лес-то видели только на своих дачах да на картинах Шишкина.

«Вася, скажи честно,—спросила тогда мать,—ты опять не поладил с Кузнецовым?»

Отец усмехнулся и ответил, что с карьеристами ладить нельзя, с ними можно только драться.

Этот Кузнецов был высокий юркоглазый дядька, начальник отца. Раньше он часто приходил к Забелиным домой. Потом они с отцом поссорились из-за какого-то проекта, и Кузнецов совсем перестал бывать. Таежка вскоре забыла его лицо. В памяти почему-то остались только руки — маленькие и белые, как у женщины. Кузнецов все время потирал их так, будто отмывал под краном.

Мама с самого начала была против переезда. Она плакала и все время говорила о московской прописке. Но отец ответил, что он едет по путевке и прописка никуда не денется.

В день отъезда Таежка ходила по квартире и бесцельно трогала вещи. Она выросла среди этих вещей, и они стали как бы частью ее самой. Из всего, что было ей дорого, она захватила с собой книги и черепаху Тюлька. Сейчас Тюлька обитала в живом уголке Озерской школы вместе с одноухим зайцем...

Сначала, когда они с отцом приехали в Озерск, все вокруг казалось Таежке необычным: и просторные дома, рубленные из вековых, будто чугунных лиственниц; и крытые дворы; и зимние сугробы, витые гребни которых взбирались до самых крыш.

Ребята здесь тоже были другие — спокойные и рассудительные. Даже говорили они по-своему: мочалку называли вехоткой, уросить у них означало капризничать, баско — красиво, а леть — в прошлом году.

В первый же день после приезда Таежка познакомилась с Мишкой, и он повел ее брать черемуху. Черемуху уже прихватило заморозком, она была сладкая и крупная (хрушкая, как сказал Мишка). Брать ее было просто: расстелешь одеяло под деревом, тряхнешь черемуху, и вниз дождем осыпаются ягоды. Из молодой черемухи получается удивительно вкусная начинка для пирогов. А еще здесь пекут пироги с налимьей печенкой. Вот бы мама попробовала!..

С этими мыслями Таежка и уснула. Ей снился грохочущий голубой поезд. Он летит через тайгу, и ветер разносит по сопкам его веселые гудки. А на подножке вагона стоит мама, и на ней то платье, в котором она провожала отца и Таежку на вокзал: белоснежное, с короткими круглыми рукавами...

Разбудило Таежку солнце. Она открыла глаза, взглянула в окно и зажмурилась. Небо было такое чистое и яркое, что Таежка сразу поняла: идет весна. Словно угадав ее мысли, кто-то наугад раскрыл книгу и радостно забубнил:

Весна! Весна! Как воздух чист,
Как ясен небосклон!

И тут все девчонки сорвались вдруг с кроватей и в одних рубашонках принялись отплясывать какой-то невиданный танец.

Весна! Весна! Как воздух чист,
Как ясен небосклон!
Своей лазурью голубой
Слепит мне очи он! —

хором вопили девчонки.

На мужской половине заспанные «строители» поднимали головы с подушек и ошалело переглядывались. Потом и они заразились буйным весельем, царившим за стенкой. В одну минуту интернат стал похож на сумасшедший дом.

Вошел Сим Саныч и, заткнув уши, крикнул:

— Крокодилы! Удавы! Зулусы! На зарядку!

— Крокодавы! Увылы! Лузусы!— гоготала мужская половина.

Наспех одевшись, выбегали во двор, встречались с девчонками, толкали их в сугробы, натирали снегом носы и от избытка сил вопили на разные голоса.

Наконец Сим Санычу кое-как удалось навести порядок, и вся орава помчалась по знакомой тропинке— до Сосновой просеки и обратно. Так было круглый год. Зарядка отменялась лишь в самые лютые морозы.

Первым, как всегда, прибежал Мишка Терехин, последним, сзади всех девчонок,— Генка Зверев.

— Опять лень одолела? — спросил его Сим Саныч.

Мишка, натирая лицо снегом, усмехнулся:

— Он бы и первым, Сим Саныч, прибежал, да по дороге в соплях запутался.

Генка шмыгнул носом и бросил на Мишку свирепый взгляд.

— Ой, батюшки, ой, напугал! — издевался Мишка.

— Строиться! В столовую! — скомандовал Сим Саныч.

Столовая помещалась в нижнем этаже школы. Это был обыкновенный класс с двумя кухонными плитами, возле которых на переменах всегда отирался Генка Зверев.

Аппетит у Генки был, как у молодого поросенка. Если на кухне ему ничего не перепадало, он ходил по классам и выменивал на еду рогатки собственного производства. А рогатки он делал удивительные — дальнобойные, со специальным оптическим прицелом. Ворону из них можно было сбить за сорок шагов. Менялись с Генкой охотно, особенно в младших классах. Так что жил он, как правило, припеваючи и вплоть до отбоя ходил с набитым ртом.

Учителя ботаники в Озерской школе не любили. Был он лыс, сухопар и крайне обидчив. За глаза его звали Рибой. Он не выговаривал «ы» после «р». «Крыло» у него звучало как «крило», а «рыжий» — как «рижий». Поэтому про него сочинили дразнялку:

На высокие горы
Залезли вори
И украли рибу.

Сегодня Рибо, как обычно, расхаживал между рядами и бубнил:

— Размножается львиный зев семенами и черенками. Посев делают в марте — апреле. Записали? Сеянцы пикируют в ящики, в грунт парника или на гряды... Зверев, перестань витать в облаках... Окраска цветов двухцветная и полосатая.

Мишка, прикрывшись учебником ботаники, рисовал в тетради двухцветных полосатых львов. Один из львов сладко спал, другому челюсти сводила зевота. Из пасти у него тянулась надпись: «Ох-хо-хо, помираю со скуки, товарищи!»

Когда рисунок был готов, Мишка пустил его по классу. По рядам покатился смешок. Рибо насторожился и подозрительно оглядел ребят. Все с тревогой следили за Шуркой Мамкиным, который без опаски разглядывал рисунок. Наконец Шурка хихикнул, и Рибо бросился к нему.

— Мамкин, дай сюда бумагу!

Шурка зажал рисунок в кулак и спрятал руки за спину.

— Дай бумагу!

Надо было выручать Шурку. Мишка нащупал в парте клетку и осторожно открыл дверцу.

— Мамкин, последний раз говорю!

И вдруг над головой ребят взвился снегирь. Он ошалело заметался по комнате, натыкаясь на стены и отчаянно треща крыльями. Класс зашумел, захлопал крышками парт, заулю-

люкал. Бедный снегирь взлетел под самый потолок и уселся наконец на шкаф.

— Хулиганы! — закричал потрясенный учитель и вновь накинудся на Шурку: — Бумагу!

Шурка показал ему пустые руки.

— Ах, так! Ну погодите! — Роба помчался за Сим Санычем.

В это время прозвенел звонок, но никто не двинулся с места. Ждали Сим Саныча. Он пришел один, и глаза у него были узкие, как бритвы. Шумно дыша, Сим Саныч сел за стол.

— Ну? — сказал он. — Ну, всё. Обормоты несчастные. — Потом добавил усталым голосом: — У кого бумага?

Класс как в рот воды набрал. Взгляд Сим Саныча пробежал по лицам ребят и остановился на Генке Звереве. Генка сглотнул слюну и поежился. Сим Саныч поднялся, подошел к нему и, глядя в окно, молча протянул руку. Генка, весь красный; порывшись в карманах, достал пятак и положил Сим Санычу на ладонь. Сим Саныч покосился на монету, повертел ее в пальцах и спрятал в карман. Потом снова протянул руку.

Генка посмотрел на него страдальческим взглядом и отдал рисунок.

— Кто рисовал? — спросил Сим Саныч.

— Я, — сказал Мишка.

— А снегира?

— Тоже я.

— Отлично! Терехин и Мамкин исключаются из школы на неделю.

Сим Саныч вышел, хлопнув дверью.

— «Люблю грозу в начале мая», — бодрым голосом сказал Мишка и посмотрел на товарища по несчастью. — Да ты что?

На лице Шурки было такое отчаяние, что Мишка испугался.

— Что с тобой? — повторил он. — Подумаешь, на неделю исключили.

Шурка молчал, узенькие плечи его вздрагивали, а по щекам горохом катились слезы.

— Нюня! — грубо крикнул Мишка, потому что чувствовал себя виноватым. — Кисель клюквенный!

До конца уроков Шурка сидел как пришибленный и все всхлипывал. Когда расходились по домам, он зачем-то побрел к реке.

Таежка подошла к нему и взяла за рукав:

— погоди. Тебе же не в ту сторону. Иди домой.

— Нельзя мне домой. С меня мать всю шкуру спустит.

— Хочешь, я с тобой пойду и скажу, что ты не виноват?

Таежка заглянула в мокрые Шуркины глаза.

— Нет, что ты! — почему-то испугался Шурка. — Не надо, я не хочу!

Но Таежка решительно тряхнула головой.

— Пойдем, говорю!

У ворот своей избы Шурка замялся.

— Тай, только у нас дома... не тово. Ребятишки, будь они неладны...

Едва переступив порог, Таежка все поняла: Шурка стеснялся вести ее к себе домой. Большая сиротливая комната встретила их враждебным молчанием. На Таежку настороженно глядело пятеро ребятишек, мал мала меньше. В углу, на облупленной деревянной кровати, лежал мужчина с желтым, заострившимся лицом. Когда Таежка с Шуркой вошли, он даже не пошевелился. Глаза его были закрыты, и живыми казались только руки. Руки были тяжелые и грубые, с крутыми темными венами.

— Раздевайся,— тихо сказал Шурка, снимая свою шубейку. И впервые, в этой убогой избе, Таежка заметила, как Шурка одет.

На нем был какой-то куцый пиджачок, который делал Шуркины плечи еще уже, сатиновая рубашка и залатанные штаны с пузырями на коленях. Наверное, именно поэтому Шурка всегда ходил в классе бочком и мучительно краснел, когда его вызывали к доске.

— Где мама? — спросил Шурка.

— Ушла в магазин. Скоро придет,— отозвалась девочка лет пяти, сидевшая на лавке.

— А Борька?

— Спит.— Девочка показала глазами на русскую печь.

— Что же вы так сидите? — спросила Таежка.— Давайте поиграем.

Ребятишки было оживились, но та же девочка печально покачала головой:

— Нельзя. Мамка заругает. У нас тятюку лесиной придавило. Он теперь ходить не умеет.

— Позвоночник,— пояснил Шурка.

— Давно?

— Да уж полгода лежит.

Не открывая глаз, мужчина на кровати сказал:

— Помереть бы, да смерть заблудилась... Всех измучил.

— Вчера колхоз дров привез, березовых,— будто не слыша его, сказал Шурка.

На крыльце затопали, сбивая с валенок снег. И в избу вошла женщина. У нее был жесткий, твердо сжатый рот и строгое лицо.

— Это Таежка, мама,— сказал Шурка.— Мы вместе учимся.

Женщина ничего не ответила, разделась и стала щепать лучину. Потом растопила печь. Ребятишки по-прежнему сидели по углам и следили за каждым движением матери.

— Почистите картошку,— сказала женщина.

Ребятишки уселись вокруг большого чугуна и вооружились

ножами. Только самый маленький, в короткой ситцевой рубашонке, остался сидеть на лавке, прижимая к себе рыжую кошку.

— Шурка, принеси дров!

Шурка пошел к двери.

— До свиданья,— сказала Таежка, торопливо одеваясь.

Во дворе ослепительно белела на солнце гряда березовых швырков.

«Когда же они это все перепилят?» — подумала Таежка.

— Шур,— сказала она,— ты завтра приходи в школу. А мы с Мишкой сбегам к Сим Санычу. Он поймет!

...В комнате Сим Саныча был стол, кровать, застланная серым одеялом, и два стула. Остальное место занимали книги. Они громоздились даже в углах и на подоконнике.

— Уйди с моих глаз! — сказал Сим Саныч Мишке. — Нечего кланяться. Все равно не прощу.

Мишка обиделся:

— Будто я за себя просить пришел.

— За Шурку?

Таежка кивнула:

— Я у него дома была. Там такое, что я не могу...— Таежка заморгала, сдерживая слезы.

— Что, отцу не лучше? — спросил Сим Саныч.

— Нет.

— Ладно. Я тогда разозлился страшно. Пусть приходит в школу.

— И правильно,— поддакнул Мишка, оживляясь. — Было бы из-за кого, а то из-за Рыбы.

— Из-за кого-о?

— Ну, из-за Анатоля Сергеевича. Разве это учитель? — Мишка хмыкнул. — У нас в классе ни одной мухи нет. Все со скуки передохли.

Сим Саныч посмотрел на Мишку.

— Критики пузатые,— сказал он. — От горшка два вершка, а туда же — учителей охаивать. Посмотрим, что из тебя выйдет!

Голос Сим Саныча звучал сердито, но не очень уверенно.

— Скажете, я не прав? — продолжал наступать Мишка.

— Ладно, можешь не распинаться, — сказал ему Сим Саныч. — Ты-то все равно исключен. Так что отправляйся домой.

— Я отправлюсь. Только у меня тут еще дела есть. — Мишка загадочно подмигнул Таежке. — До свиданья, Сим Саныч. А за Шурку спасибо.

— Поклонись еще! — буркнул Сим Саныч. — Шалопай.

Мишка сидел на бревне напротив школы и ждал звонка. Изредка он вставал и подходил к окнам своего класса. Поднявшись на цыпочки, он прижимался лбом к стеклу и просительным взглядом смотрел на Витьку Рогачева. Курочка-Ряба был обладателем старинных карманных часов. Он неторопливо доставал часы и на пальцах показывал Мишке, сколько минут осталось до конца урока: десять, семь, пять...

Наконец до Мишкиного слуха донеслось слабое дребезжание звонка.

Через минуту весь 6-й «В» высыпал на улицу.

— Достали? — спросил Мишка Курочку-Рябу.

— Сейчас принесут.

Скоро появились сияющие братья Щегловы. Они тащили две пилы и три топора.

— Надо было больше взять, — сказал Мишка.

— Как же, у нашего завхоза разживешься, спасибо, хоть это раздобыли. — Один из братьев передал Мишке топор и потрогал зубья пилы. — Острая, и развод хороший.

У Шуркиного двора Мишка устроил короткое совещание:

— Нас двадцать человек. Значит, раз в десять дней по двое будем приходить сюда. Кто в нужный день не сможет, скажет мне. А сегодня остаемся все.

Шуркина мать была на работе. Поэтому Мишка отрядил трех девочек хозяйничать в доме, а мальчишки взялись за дрова.

Повизгивая, запели тонкие пилы, полетела белая крупа опилок, сверкая на солнце, закричали топоры. Промерзшие березо-

вые чурки со звоном разлетались на поленья и по конвейеру перекочевывали в угол двора, под навес, где распоряжался Шурка Мамкин.

— А ну, пильщики, нажми! — кричал Мишка, помахивая топором. — Усну-у-ли!

— И-эх! Раз-два, взяли!

— Ставь на попа!

— Ребята, запарился! Смените!

— А-а, елки-моталки! Это тебе не в бабки играть!

— У меня бабка Пелагея выпить люби-ит! Раз приходит домой, а дед спрашивает: «Где пила?» — «Митрий, вот те крест святой, нигде! Ну, у кумы Авдотьи разъединую рюмочку выпила!» А дед-то про пилу говорил!.. Ха-ха-ха!

Через час дрова лежали под навесом, аккуратно сложенные в поленицу. Красные, распаренные ребята вытирали потные лбы, надевали пальто и, пересмеиваясь, расходились по домам.

На улице вокруг конских яблок весело прыгали отошавшие за зиму воробьи, искристо и нежно синели сугробы, а в Шуркиной избе впервые за полгода звенел смех.

ЛЕГЕНДА КАРАГАНА

В субботу после обеда приехал Федя. Он подкатил прямо к интернату. И Мишка, помиравший от безделья, со всех ног кинулся ему навстречу.

— Ну, цутики, собирайтесь, — сказал Федя.

Мишка собрал свою котомку и пошел за Таежкой.

— Как дела молодые? — спросил Федя, садясь за руль.

— Да так. — Мишка сделал рукой неопределенный жест. — Я, можно сказать, до конца недели гуляю.

— Что так?

— Освободили. Переутомился умственно.

— А-а, — сказал Федя. — Понимаю. А за что?

— Долго рассказывать.

— А у меня, брат, рассказ короткий. Свалая дурака, ушел из шестого, а теперь локти кусаю. Думал: много ли грамоты надо, чтобы баранку крутить? А выходит — понадобится. Не через год, так через пять. Я вот в вечернюю подался. Как вы смотрите?

— Как, нормально смотрим,— сказал Мишка.

Федя вздохнул:

— Трудно. Как сделаешь до Озерска три рейса, так в глазах прямо цветные кружева плывут. Ты это учти, Михаил...

На зимнике у берегов лед вздулся и посинел. Видно, в Саянах начали таять снега, и река просыпалась.

Недалеко от деревни Федя остановил грузовик и выскочил из кабины. Вернулся он с пучком распутившейся вербы.

— Вот,— сказал он, улыбаясь, и протянул вербу Таежке.— Держи!

Серые, с желтым цыплячьим пушком шарики щекотали лицо, и Таежка жмурилась от удовольствия. Верб пахла снегом, та-лой водой и еще чем-то особенным, что рождается в предвесенней тишине леса.

...К вечеру они добрались до зимовья. Василий Петрович еще не вернулся из тайги. На столе, сколоченном из горбылей, лежала записка:

«Сварите что-нибудь поесть. Продукты в погребке. Я буду часов в семь. Отец».

— Наверное, с утра ушел. Ишь как выстыло.— Мишка дохнул, изо рта у него вылетел парок.— Тащи еду, а я пока печку растоплю.

Таежка вышла наружу. За бором садилось большое красное солнце, и бор стоял, весь облитый его сиянием. Вершины дальних гольцов проступали четко и резко, будто нарисованные. Тишина кругом стояла такая, что слышно было, как с окрестных сосен, вздыхая, сползает снег.

«Заколдованный лес,— подумала Таежка.— Вот-вот на тропу выйдет Снежный Король и скажет: «Загадывай желание, и я исполню его». А мне ничего не надо. Только чтобы скорее приехала мама».

По скользким ступенькам она спустилась к погребку и толкнула обледеневшую дверь.

«Не трогай... Сплю-ю», — прохрипела дверь.

— Я быстро, — сказала Таежка виновато и, пугаясь, вошла в полутемный погребок.

В корзине, выстланной соломой, она нашла двух куропаток. Куропатки промерзли и стукались друг о друга, как деревянные.

В избушке уже топилась печь.

— Ощипывать будешь ты, ладно? — Таежка подала Мишке куропаток. — Я боюсь.

Мишка буркнул что-то насчет бабских нервов, взял куропаток, нож и вышел. Таежка поставила на печку ведро со снегом и сыпала сверху солью, чтобы быстрее таяло.

Через полчаса стало тепло. От ведра поднимался вкусный мясной дух. Таежка едва поспевала сглатывать слюнки. Печка раскалилась, по бокам ее забегали темно-красные искры. Отблеск огня лежал на Мишкином лице, и оно тоже было красным.

— Ты сейчас как индеец, — сказала Таежка. — Только волосы белые.

Мишка посмотрел на нее и фыркнул:

— А ты Золушка. Вон весь нос в саже.

На дворе закрипели шаги, и в зимовье в клубах молочного пара вошли Василий Петрович и Семен Прокофьевич Каринцев, директор леспромхоза. В избушке сразу стало тесно, запахло полущубками и табаком.

— Привет тебе, мой скит убогий! — сказал Василий Петрович, снимая патронташ и раздеваясь. — О-о, суп по-царски, с куропатками! А, Прокофьевич?

Каринцев потянул воздух носом и зажмурился.

— Картошку, вермишель клали? — спросил Василий Петрович, подсаживаясь к огню.

— Все в порядке, — сказал Мишка. — Только меня из школы выгнали. До понедельника.

— Весьма похвально. А с чего ты вдруг разоткровенничался?

— Как — с чего? Вы меня на воспитание возьмете. В тайгу. Я вот и ружье прихватил.

— Нет, брат, зимняя тайга не для пацанов. Летом — другое дело. Всегда будем рады.

— До лета еще семь раз помрешь, — пробормотал Мишка.

— Ничего. Доживешь как-нибудь.

Василий Петрович зачерпнул ложкой из ведра и объявил, что суп готов.

После ужина Семен Прокофьич, молчавший до сих пор, сказал:

— Приказ-то не отменили. Что делать станем, Петрович?

— Придется ехать в край. Временщики чертовы! Вырубить такой массив кедра — это уже не головотяпство, а вредительство!

— А почему его нельзя вырубать? — спросила Таежка.

— Ну-ка, Михаил, лесной человек, разобъясни ей, — сказал директор, поглядывая на Мишку.

Мишка пожал плечами.

— Тут и дитю ясно. Кедр — самое дорогое дерево в тайге. Хвойная мука для скота — раз. — Мишка загнул палец. — Кедровое масло — два. Халву и начинку для конфет делают — три. Из древесины всякие там шкафы, которых мошь боится, — это уже четыре. Камфара, спирт, канифоль... Ну и все, кажись, Василий Петрович?

Василий Петрович засмеялся:

— Видишь, Таежка, целая лекция. Но и это не все. Кедр — золотое дно. От него не остается никаких отходов. Из опилок получают эфирные масла, даже скорлупа не пропадает.

Тут удивился даже Мишка:

— Ну уж, скорлупа?

— Точно, брат. Из нее делают такую штуку — фурфурол называется. Он идет на приготовление пластмасс. А карандаши, которыми вы пишете, а целебные бальзамы из живицы! Тут уж Михаилу придется разуваться: на руках-то пальцев не хватит. И вот такое богатство мы не бережем!

— Морду за это бить надо! — мрачно сказал Мишка.

— Бить морду — не метод, — покачал головой Василий Петрович. — Надо доказать словом и делом. И мы докажем, даже если придется дойти до Москвы.

«И дойдет, — подумал Мишка, глядя в лицо Василия Петровича. — Куда хочешь дойдет, не поступится».

— Ну, мужики, я по-стариковски, на покой, — сказал директор. — Пояснищу чтой-то ломит, не завьюжило бы завтра.

— А мы вот сейчас выйдем да посмотрим. — Василий Петрович поднялся. — Кто со мной перед сном прогуляться?

Вышли все, кроме Семена Прокофьяча.

Небо было чистое и походило на глубокое озеро, в котором плавали и зеленовато светились острые льдинки — звезды. Под ногами звезд было еще больше: серебряных, чутких и певучих.

Но ярче всех горела над бором большая светлая звезда. Когда Таежка сощуривала глаза, от звезды расходился колючий голубой веер.

— Это Вега, — сказал Василий Петрович. — Она и вправду такая, как рассказывал Караган.

— А кто этот Караган? — спросила Таежка.

— Караган — один старый енисейский киргиз. Красивый и мудрый человек. Я гостил у него два дня. И он рассказал мне легенду о Веге.

Когда-то в верховьях Енисея жило храброе свободолюбивое племя Таежных Охотников. Законы у племени были справедливые и беспощадные. Больше всех человеческих слабостей презиравлась трусость. Воина, бежавшего с поля брани, казнил собственный брат. Еще страшнее была кара за воровство. Вору отрубали голову и вешали на шею отцу или матери. Так старики ходили до самой смерти, и все племя знало: вот идут люди, родившие вора...

Однажды хлынули на землю Охотников полчища монголов. Они пришли зимой, и была их такая несметная сила, что лед на реках не выдерживал тяжести идущей орды.

Племя Охотников было малочисленно. Оно не могло выстоять

против огромного войска завоевателей. С боями Охотники уходили все дальше на Север, гибли в болотах и нехоженной тайге.

И вот осталось всего несколько сотен гордых воинов. Но военачальник решил уничтожить и эту горстку.

В руки монголов попал молодой Охотник, разведчик Артай.

«Веди нас к своим сородичам, — сказал ему военачальник монголов. — И мы сделаем тебя наместником этого богатого края».

И Артай повел завоевателей. Он вел их через глухие топи, через быстрые горные реки, вспоившие его своей водой, через родную тайгу, вскормившую его. Все дальше и дальше в лесную глухомань забирались монголы.

Однажды вечером, на ночлеге, Артай сказал военачальнику:

«Остался один переход до лагеря Охотников. Завтра мы будем там. А сейчас я хочу помолиться своему богу».

«Молись», — сказал военачальник.

И Артай ушел на вершину гольца.

Ночью на гольце вспыхнул огромный костер. Казалось, он охватил полнеба.

«Охотник зажег светильник своему богу», — решили монголы.

К полуночи костер погас, но Артай не возвращался. Тогда военачальник послал воинов на вершину. Но воины нашли там только пепелище да обугленные кости Охотника. Артай завел их в таежные дебри и убил себя, чтобы не дать в руки врагам.

В гневе военачальник приказал развеять останки Охотника. И когда монголы принялись ворошить пепелище, из него вдруг взлетело раскаленное сердце Охотника. На глазах изумленных монголов оно поднималось все выше и выше, пока не превратилось в яркую голубую звезду — Сердце Артая...

— Красивая сказка, только очень грустная, — сказала Таежка и задумалась. — Я почему-то вспомнила о Данко. Ты мне читал, помнишь? И еще о Сусанине. Отчего это? Ведь старый Караган ничего не слышал о них, правда?

— Правда,— не сразу отозвался Василий Петрович.— Я рассказал Карагану легенду о Данко.

— И что же он?

— Он сказал мне: «Артай и Данко похожи, как братья. Потому что они родственной, солнечной крови. А солнце для всех одно».

СКОЛЬКО ПРИЗНАКОВ РАВЕНСТВА?

Заявившись домой, Мишка прикинулся больным. В коровнике он предварительно накурился самосаду и поэтому кашлял очень натурально. Комедия разыгрывалась для отца, которого Мишка побаивался.

Отец работал в леспромхозе и вот-вот должен был нагрнуть домой из дальнего рейса.

Таежка довела Мишку до дома, рассказала матери, какой он больной, несчастный, и уехала в Озерск.

Мишка затосковал. От нечего делать он взялся за историю, по которой его собирались спросить со дня на день. На этот счет у Мишки был особый нюх, поэтому все предметы он учил по очереди.

Материал попался интересный: поход крестоносцев и Чингисхан. Читая про битву у реки Калка, Мишка сокрушенно думал о поражении русского войска.

«Тоже мне несметное полчище... Жалких сто тысяч. Мне бы тогда три «максима», я бы этим завоевателям показал...»

Он представил себе, как лежит за пулеметом и на него с диким визгом мчится татарская конница... Все страшнее и ближе гудит земля под копытами косматых степных коней, все громче завывание всадников, все ослепительнее сабельный ливень,— и вдруг в сумятицу звуков врывается захлебистый лай Мишкиного пулемета. Летят через голову наездники и кони, и через минуту вся лава в панике поворачивает назад. А вслед за нею полукольцом несется русская конница, и мечи ее победно сверкают на солнце!..

Вернувшись в школу, истории Мишка не боялся. Но чутье на этот раз его подвело. Был урок геометрии. Мишка сидел спокойный и умиротворенный, потому что вызывали его совсем недавно. И, когда Сим Саныч спросил, кто может рассказать о признаках равенства прямоугольных треугольников, Мишка вместе со всеми машинально поднял руку. Он смотрел на учителя беззаботным и честным взглядом первого ученика.

— Ну что ж,— сказал вдруг Сим Саныч,— иди, Терехин.

Мишка поспешно спрятал руку, но было уже поздно.

— Горю, как швед,— успел он шепнуть Таежке.

Она поняла и тут же принялась строчить шпаргалку. Сим Саныч занялся устным опросом. Чтобы выиграть время, Мишка решил применить испытанное средство, которое постоянно носил в бездонных карманах своих штанов: он намазал мел вазелином.

— Не пишет,— выждав, сообщил Мишка и для убедительности поскреб мелом доску.

— Можно, я сбегая за другим? — предложила Таежка, скатывая в руке бумагу.

Сим Саныч кивнул и продолжал опрос. Проходя к двери, Таежка незаметно сунула Мишке спасительную шпаргалку.

Когда она вернулась с мелом, Сим Саныч сказал:

— Терехин, положи шпаргалку на стол.

Мишка опешил, ведь Сим Саныч стоял к нему спиной и ничего не мог видеть.

— Пожалуйста,— обиделся Мишка.— Я и без нее сумею.

— Посмотрим,— засмеялся Сим Саныч.— Сколько признаков равенства?

— Четыре.

— Так. Перечисли.

Терять Мишке было нечего, и он ответил:

— Первый, второй, третий и четвертый.

— Угу,— сказал Сим Саныч.— Давай дневник. И Забелина тоже. А потом потолкуем.

Через минуту в дневниках Мишки и Таежки появились красивые единицы.

После уроков Сим Саныч позвал Мишку в учительскую. Вслед за ними поплелась и Таежка. В учительской никого не было.

— Вот что, Терехин,— начал Сим Саныч.— Запомни: шутки бывают уместные и неуместные. Неуместные шутки смахивают на хулиганство.

— Ну какой же он хулиган? — вступилась за товарища Таежка.

— Да? — спросил Сим Саныч.— А рисунок, а снегирь, а очки? Забыли?

Нет, они ничего не забыли, в том числе и случай с очками. Месяц назад был медицинский осмотр, и доктор прописал двум девочкам носить очки. Через три дня весь 6-й «В» явился на урок ботаники в очках. Кому не удалось найти обычные, тот купил себе в аптеке противосолнечные. А Курочка-Ряба раздобыл даже пенсне с одним стеклом и примотал его за ухо куском шпагата.

Весь класс, за исключением двух человек, сидел как в тумане, и урок, конечно, был сорван.

— Анатолий Сергеевич хотел тогда увольняться,— продолжал Сим Саныч.— А уволить надо было Терехина. Никто не просит тебя быть ангелом, но я тебе вот что скажу: не сбивай ребят с панталыку. Иначе...

Классный руководитель посмотрел на Мишку в упор. И Мишке стало не по себе под этим колючим, холодным взглядом.

Сим Саныч и раньше отчитывал Мишку. Но тогда все было по-другому. Тогда в глазах учителя, где-то в их глубине, таилась добрая и чуть насмешливая улыбка. Сейчас улыбки не было, и серые глаза учителя потемнели от гнева.

— Можешь идти, Терехин.

Мишка потоптался на месте, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел, опустив голову.

Таежка догнала его в коридоре:

— Миш!

— Отстань!

— Но при чем тут я?

— Уйди, говорю!

Таежка остановилась и беспомощно посмотрела Мишке вслед.

Не зная, куда себя девать, Мишка долго бродил по улицам городка. На сердце у него было погано. То и дело вспоминался неприязненный тон, каким говорил с ним классный руководитель. Если бы Сим Саныч знал, как к нему относится Мишка, то никогда не стал бы смотреть на него такими злыми глазами.

Да и что особенного случилось? Ну, не выучил геометрию, эка важность! И почему он, Мишка, сбивает ребят с панталыку? Что они, бараны? Своего ума нет?

Потом Мишка вспомнил о Таежке и пожалел, что обошелся с нею так грубо. Действительно, она-то при чем?

По дороге в интернат Мишка столкнулся с Сим Санычем. Сим Саныч прошел мимо и даже не взглянул на Мишку.

ЛЕДОХОД

Ночью двенадцатого мая Озерск был разбужен оглушительным треском: проснулась река. Минуту спустя раздался мерный, неудержимо нарастающий рев, будто у реки затрубило тысячеголовое стадо сохатых. Это накатывался с верховьев вал полой воды.

Над городком забился серый волокнистый туман. Ближе к реке он густел, сбиваясь в подвижные языки; последний гнилой снежок обмяк и расползался по берегу тусклыми лужицами.

Утром весь Озерск от мала до велика высыпал к реке. Вода расшатывала непомерную толщу льдин, ставила их на дыбы и с маху швыряла друг на друга. Лдины стонали, рассыпались колючими иглами, в которых всеми цветами радуги играло блеклое солнце. Солнце еще только входило в силу, разгоняя темно-синие, с белым оперением тучи. Они сваливались за рекой в темные лесистые пади.

Таежка и Мишка стояли рядом с Василием Петровичем и

жадно глядели на реку, глотая стылый, насыщенный водой воздух. Таежка видела ледоход впервые и сейчас ненасытно впитывала в себя эту бесшабашную русскую красоту. Кроша и подминая друг друга, льды пролетали мимо. Казалось, что в спешке и тесноте они дышат хрипло, как затравленные белые звери.

Река несла на своем хребте куски дороги, вкривь и вкось разбросанные от берега до берега. Где-то вверху по реке, на заторе, льды бухали далекими пушечными выстрелами. А у берега старухи умывали ребятишек и давали им с ладони глотнуть мутной внешней воды. Таежка от отца знала про этот обычай: напои малыша во время ледохода — и до самой старости, до седых волос будет бурлить в нем молодая сила сибирского половодья.

В улюлюканье воды, в шуршание льдов вплеталась негромкая скороговорка старухи, стоявшей неподалеку с четырехлетним внуком:

— Под светлым месяцем, под ходячими облаками, сквозь леса дремучие идет-гудит вода полая, зорями перепоясывается, звездами застегивается. Окроплю тебя той живой водой, не старела, не стыла чтобы алая кровь. Будь прям, как солища лучи, силы-смелости у реки возьми!..

— Силы-смелости у реки возьми,— шепотом повторила Таежка.

С реки налетал ветер, обдавая лицо студенными брызгами. Было очень холодно, и Таежка прятала в рукава озябшие, красные руки.

— Ну, хватит, пойдем,— сказал Василий Петрович.— А то еще простудитесь, чего доброго.

Они направились к школе. Дорогой Таежка несколько раз оглядывалась на реку, и ей все казалось, что она видела какой-то удивительный сон.

С улыбкой она вдруг вспоминала строгое и нелепое предупреждение, наклеенное на набережной Яузы: «По льду реку не переходить. За нарушение штраф 25 руб.». По тамошнему льду могла бы перейти разве кошна, да и то для этого ей пришлось бы спускаться по веревке с набережной двухметровой высоты...

Возле школы, на просохшем пустыре, шла игра в бабки.

— Ну, я зайду к директору,— сказал Василий Петрович.

Мишка кивнул, нащупывая в кармане биток — крупную бабку, налитую свинцом. Вразвалку подошел к играющим.

— Возьмете? — спросил он и, не дожидаясь ответа, поставил на кон три бабки.

Кон били с пятнадцати шагов. Таежка стала в сторонке и наблюдала за игрой. Когда подошла Мишкина очередь, на кону осталось семь бабок.

Мишка покачал на руке биток и, не целясь, размахнулся. Тяжелый биток просвистел в воздухе и врззался в кон. Бабки подпрыгнули и разлетелись в разные стороны.

— По целой,— сказал Мишка.— Ставьте.

Игроки поставили новый кон. В случае промаха Мишка один должен был оплатить его. Шеи игроков вытянулись. Мишка не спеша подошел к черте и с минуту стоял, напружинив ноги, словно готовясь к прыжку. Снова просвистел биток. Из кона, как зубы из челюсти, полетели бабки. Устояла только одна, справа — толстая и приземистая.

— Бью,— сказал Мишка.

Игроки влорадно переглянулись — тут-то уж риск ни к чему, все равно промахнется. Но их надежды не оправдались: бабка крикнула и с размаху шлепнулась в лужу.

Через минуту Мишка обчистил всех до последнего битка. Сгребая бабки, сказал:

— Мазилы! Учитесь, пока жив! Поняли?

У игроков были такие постные физиономии, что Мишка решил проявить великодушие. Кроме того, ему хотелось покрасоваться перед Таежкой.

— Вот что,— сказал он.— Хотите вернуть свои бабки?

Игроки неуверенно закивали.

— Тогда везите меня до мельницы и обратно.

Мишку подобострастно подхватили на руки и понесли. Он возлежал, величественный, как рабовладелец, и Таежка едва не задохнулась от смеха.

— Эй ты, падишах! — раздался вдруг голос Сим Саныча.

Носильщики от неожиданности выпустили Мишку, и он шлепнулся на землю.

— «Уронили Мишку на пол», — подходя, процитировал Сим Саныч. — Вот что, Терехин: собери-ка ребят минут за десять до звонка. Договорились?

— Договорились. А зачем?

— Поговорим о лете.

— Ясно, — сказал Мишка. Он уже знал, о чем пойдет разговор.

Перед началом урока в 6-й «В» вошли Сим Саныч и отец Таежки. Грохота крышками парт, класс поднялся.

— Садитесь, — сказал Сим Саныч. — Василий Петрович Забелин хочет поговорить с вами о каникулах.

— Я, собственно, с одним предложением, — начал Василий Петрович. — С начала каникул вы все пойдете на практику, так? Кто в колхоз, кто в РТС. Дело это стоящее, по-моему. Вы уже взрослый народ. И пора подумать о том, что скоро вы станете хозяевами всего, что есть в стране. В том числе хозяевами наших лесов. А лес — это настоящее богатство. И, чтобы по-умному распоряжаться им, его надо знать. Вот я и предлагаю вам отправиться на месяц в тайгу и помочь экспедиции таксаторов. Нынешним летом она будет работать в наших краях.

— А чего они делают, эти таксаторы? — спросил Генка Зверев.

— Дело у них нелегкое, брат. Сказать прямо, чертовски опасное дело. Таксаторы специальными столбиками разбивают лес на квадраты, потом покрывают карты значками. Значки эти говорят о запасах и составе леса.

— Что здесь опасного? — удивился кто-то.

— Опасно то, что маршрут проложен по компасу и таксатор не имеет права ни на шаг уклониться в сторону. Трясина перед тобой — иди через трясины, скала — лезь на скалу. По картам таксаторов составляют единую генеральную карту. Без нее в лесном хозяйстве как без рук. А почему, как вы думаете?

Мишку подобострастно подхватили на руки и почесли.

— Я знаю почему,— заерзал на месте Курочка-Ряба.

— Ну-ну?

— Потому что каждый рубил бы лес, где ему вздумается.

Василий Петрович кивнул:

— В общем, правильно. А через десять лет наша страна осталась бы голой, как...

— ...как лысина нашего ботаника,— подсказал Мишка.

Класс захохотал.

— Клоун Терехин,— сказал Сим Саныч,— еще слово — и вам придется раскинуть свой балаган за дверью... Василий Петрович, продолжайте.

— Да я, пожалуй, уже все сказал. Остается выяснить, кто согласен помочь таксаторам. Нам нужен человек пять-шесть.— Василий Петрович помолчал, потом добавил: — Должен только предупредить, ребята, что жизнь в тайге не сахар. Мамок и нянек у вас там не будет. Да еще ко всему прочему — мошка и комарье. Бывает,дохнуть нечем.

— Ну, комарье,—махнул рукой Мишка.— А «Митя в халате» на что?

«Митей в халате» таежники в шутку прозвали средство против гнуса — диметилфталат.

— Все-таки подумайте до завтра,—сказал Василий Петрович.— Такие дела с маху не решают.

На другой день вызвались пойти в тайгу Мишка Терехин, Генка Зверев, его дружок Курочка-Ряба и братья Щегловы.

— Я бы тоже пошел,—шепнул Таежке Шурка Мамкин.— Знаешь, как хочется! Да только семью-то не бросишь: я ведь теперь за старшего.

— Ты не огорчайся, Шур,—тоже шепотом ответила Таежка.— Мы договоримся, тебя кто-нибудь подменит дома, а ты к нам на недельку приедешь. Ладно?

Шурка кивнул.

В конце мая на острове за речонкой Браженкой, как раз напротив интерната, закипел белым цветом черемушник.

Мишка не находил себе места. Он бросал книги, подходил к распахнутому окну и стоял подолгу, без единой мысли в голове.

Наконец однажды он не выдержал и выкрал у паромщика деда Игната юркую долбленную лодку. Подогнав лодку к интернату, Мишка свистнул. Таежка, посвященная в его план, выбежала на берег, и лодка отчалила.

На острове было еще много талой воды; повсюду в ложбинах сверкали синие каплины мочажин; на взгорьях пробивалась ершистая трава и голубели подснежники. Кое-где торчали сухие дудки медвежьей пучки. Когда их заденешь, они звенят протяжно и глухо.

На сухом пригорке Мишка выкопал несколько луковиц саранки и, очистив, протянул Таежке.

У луковид был привкус старого меда — терпкий и чуть горьковатый.

— Вкусно? — спросил Мишка.

— Угу!

Мишка потоптался на месте и вдруг спросил:

— Тай, тебе это... кто-нибудь записки в Москве писал?

— Какие записки?

— Ну, про то, что нравишься, и все такое... Писали?

— Нет.

— А хочешь, я буду писать? — Мишка густо покраснел.

Таежка посмотрела на него удивленно и засмеялась:

— Чудной ты! Зачем же записки, когда мы в одном классе?

Ты лучше так скажи.

— Так неинтересно. Вон старшеклассники все пишут. Я однажды у Витьки Королева почти таскал. К Зинке Матвеевой и обратно. Они друг другу стихами писали... Как это, сейчас вспомню...

Мишка потер ладонью лоб, потом прочел заунывным голосом:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Здóрово?

— Да,— откликнулась Таежка.— Это стихи Пушкина. Их очень папа любит.

Мишка смутился. Ай да Витька, какого тумана напустил, черт хитрый! А Зинка, поди, думает, что это его стихи... Надо будет прочитать Пушкина от корки до корки.

Покосившись на Таежку — не смеется ли она,— Мишка прибавил шагу.

Над полянами порхали ранние бабочки-пестрянки — ярко-бордовые, с черными пятнами на крыльях. Пролетая над лужами, они стремительно падали вниз: наверное, принимали собственное отражение за другую бабочку. С веток черемух на них равнодушно глядели дрозды.

— Слушай,— сказала Таежка,— почему они их не трогают?

Мишка пожал плечами:

— Потому что невкусные.

— А ты их пробовал?

— Нет. Но Роба говорил, что пестрянки ядовитые.

— Миш, а почему Роба всегда такой... ну, невеселый, что ли?

— С чего бы ему веселиться? — удивился Мишка.— У него в прошлом году жена утонула. Тебя-то здесь еще не было.

— И об этом знает весь наш класс?

Мишка не ответил. Таежка опустила голову и тихо сказала:

— Я не знала, что ты злой. У человека такое несчастье, а мы над ним издеваемся.

Мишка снова промолчал, но было видно, что слова Таежки задели его. Уже по пути домой он вдруг сказал:

— Конечно, смеяться над ним нехорошо. Да мы и не со зла, а так, по глупости. Нам-то вроде потеха, а ему... Ну да ладно, не будет больше этого...

Вечером они отправились провести Шурку Мамкина. Таежка прихватила с собой несколько веток черемухи. Почувяв ее запах, Шуркин отец зашевелился на кровати и открыл глаза.

— Черемуха... зацвела? — спросил он, и голос у него сорвался.

Таежка молча протянула ему букет. Шуркин отец прижал черемуху к лицу и затих. Только грудь у него ходила медленно и тяжело.

О чем он думал в эту минуту? О своих ли ребяташках, которые при живом отце остались наполовину сиротами? Или о том времени, когда он, здоровый и сильный, без устали махал топором и из-под топора летела пахучая янтарная щепка?

Таежка с Мишкой неслышно вышли и во дворе столкнулись с Шуркой. Шурка нес на плече большую связку ивовых прутьев.

— Вот, — сказал он, — отцу принес. Он когда-то здорово корзины плел. Может, за работой повеселеет? А то лежит и все думает, что он лишний, в тягость нам.

Шурка положил связку на крыльцо и улыбнулся виноватой улыбкой. Он всегда так улыбался, как будто был в чем-то виноват.

МАМА ПРИЕЗЖАЕТ

Шестого июня закончился учебный год. Все классы выстроились во дворе на торжественную линейку. После короткой речи директора был дан последний звонок. Он звенел долго и переливчато.

— Ну что, дикие команчи? — обратился к своему классу Сим Саныч. — Небось для ваших ушей это лучшая музыка? Признавайтесь!

«Команчи» нестройно загудели, выражая фальшивый протест.

— Ладно, верю, — сказал Сим Саныч. — Верю, что вы жаждете заниматься даже летом. Круглые сутки, до последнего вздоха. Особенный энтузиазм я читаю на лицах Гены Зверева и его соратника Вити Рогачева. Это и понятно. У них ведь на осень

перезкзаменовка по русскому. Поэтому они решили взять в тайгу свой любимый учебник. Я правильно говорю?

— Правильно,— кислыми голосами ответили «соратники».

— Ну вот и прекрасно. А чтобы ваши слова не разошлись с делом, ваш воспитатель отправится с вами.

— Урра-а! — завопила пятерка, собиравшаяся в тайгу.

— Ну, вашего восторга я не разделяю,— сказал Сим Са-ныч.— Не знаю, как я вам, а уж вы-то мне надоели порядком.

— А как же Крым? — спросил Мишка.

— В Крым, Михаил Кузьмич, лучше всего ездить в августе. В так называемый бархатный сезон. Говорят, очень полезно для нервной системы. А ведь я ее расшатывал с вами весь учебный год. Есть еще вопросы? Ну, тогда по домам. Всего хорошего!

В интернате Таежка и Мишка собрали свои вещи и пошли в Озерский райпотребсоюз, откуда ходили попутные машины до Мариновки. Во дворе грузили на «газик» какие-то ящики.

Один из грузчиков спросил Таежку:

— Ты, кажется, дочка Забелина?

— Да.

— Отец в школу пошел, тебя разыскивать.

— Слушай, Миш,— сказала Таежка,— я добегу до школы, а ты побудь здесь.

Отца она встретила на улице. Он бросился навстречу дочери и подхватил ее на руки:

— Тайка, милая! Мама приезжает!

Таежка задохнулась:

— Когда?

— Сегодня под вечер. Телеграмма пришла еще позавчера, а ее в леспромхозе под сукно засунули. Вот остолопы, правда? Да ты успокойся, кто же от радости ревет?

Пообедав в леспромхозовской столовой, Таежка, Василий Петрович и Мишка зашли в леспромхоз к директору. Семен Прокофьевич присел рядом с Забелиным на диван и сказал:

— Ну, выкладывай, Петрович. Вижу, что-то стряслось. Ты именинник, что ль?

Василий Петрович засмеялся:

— Бери выше. Жена приезжает.

— Ух ты! Вот это молодчага. Теперь ты, можно сказать, коренной сибиряк. Всеми корнями врос.

— Корням и почва нужна, а, Прокофьич?

— Ты про жилье? — Директор пошевелил широкими седыми бровями и задумался. — Вот что. В Мариновке-то тебя легко устроить. Дадим целый дом. Только захочет ли жена в деревне жить? Работа есть, конечно, и в Озерске, но ты там нужней. Не знаю, как без тебя обойдемся...

— Разве я сказал, что хочу переехать? — удивился Василий Петрович.

— Тогда дело другое. Бери сейчас мою легковушку и поезжай встречать. — Семен Прокофьич хлопнул Забелина по плечу и подмигнул. — Завидую тебе. Ну, бывай.

На станцию они приехали за десять минут до прихода поезда. Василий Петрович бегал по платформе и все время поглядывал на часы. Таежка стояла, прислонившись к дощатому забору станции, слушала, как радостно и гулко стучит сердце.

Наконец показался поезд. Устало посапывая, прошел мимо паровоз, за ним катились вагоны, и в тамбуре одного из них стояла мама.

— Мама! — вскрикнула Таежка, бросаясь к вагону.

Мать легко спрыгнула с подножки, поставила на землю чемодан и прижала к себе Таежку. Василий Петрович обнял жену и дочь, и все трое с минуту стояли молча. Потом они стали целоваться. Мишка отвернулся. Он не любил телячьих нежностей. Василий Петрович опомнился первым. Он подвел Мишку и сказал:

— Это Миша Терехин, товарищ Таисии... Миша, познакомься — Галина Николаевна.

— Мне Тая писала о тебе, — сказала Галина Николаевна, улыбаясь Мишке. Улыбка у нее была ласковая и белозубая.

Потом они уселись в машину: Мишка рядом с шофером, а остальные на заднем сиденье.

— Вася, господи,— смеясь, говорила Галина Николаевна,— в Москве бы я тебя не узнала. Сапоги, картуз. И эта бородинца. Немедленно сбрей ее. Ты же не в партизанском отряде.

«Что ли, по болотам в сандалетах ходить? — подумал Мишка.— И борода Василию Петровичу идет».

В шоферском зеркальце он видел молодое, красивое лицо Галины Николаевны, и ему вдруг стало чудно, что эта чужая женщина — мать Таежки и жена Василия Петровича.

НОВОСЕЛЬЕ

Забелины устроились в доме напротив сельпо. Раньше здесь был детский сад, но в прошлом году колхоз построил новое помещение, и с тех пор дом пустовал.

Галина Николаевна и Таежка провозились целый день, наводя порядок: мыли полы, посуду, выставляли зимние рамы и сметали из углов паутину.

Но комнаты по-прежнему выглядели нежилыми. Не хватало им вещей, которые все еще шли малой скоростью где-то по Баранским степям.

— Будем жить, как на вокзале,— грустно сказала мать.— Но делать нечего.

Она достала деньги и велела Таежке сходить в магазин за продуктами. К вечеру ждали гостей.

Таежка ушла, а Галина Николаевна взяла у соседей ведра и отправилась на реку, хотя колодезь находился рядом. Но колодезь был с норовом: он успел уже проглотить два ведра, и теперь Галина Николаевна боялась его.

— Возьмите коромысло, руки нарежет,— догнала ее соседка.

До сих пор Галина Николаевна видела только в кино, как носят воду на коромысле. А сейчас пришлось испытать самой. Проклятое коромысло невыносимо резало плечи, ведра раскачивались тяжелыми маятниками. И Галину Николаевну водило из стороны в сторону, будто пьяную.

Она села, прислушиваясь к тупой боли в правой руке...

Проходя вдоль улицы, Галина Николаевна до боли закусил губу. Ей казалось, что из каждого окна за нею следят насмешливые, беспощадные глаза: «Что, голубушка? Это тебе не краники с горячей и холодной водичкой отвертывать!»

Вода расплескивалась, обдавая брызгами новые босоножки.

«Черт с ними, с босоножками! — зло думала Галина Николаевна. — Только бы до дому добраться».

Домой она принесла наполовину пустые ведра. Она села на пороге, прислушиваясь к тупой боли в правой руке: занозила, когда мыла подоконники. Хорошо еще, что полы оказались крашеными.

Она не заметила, как вернулась дочь.

— Ну что? — спросила Галина Николаевна.

— Мяса нет, мама. Придется в чайной готовое брать.

Галина Николаевна промолчала.

— Я вижу, тебе у нас не нравится, — виновато сказала Таежка.

— Нет, нет, что ты! Чудесная река, воздух как на даче.

Галину Николаевну больно кольнуло это слово: «у нас». Не «здесь», а именно «у нас». Как будто она чужая им обоим: мужу и дочери.

Галина Николаевна еще больше помрачнела.

Таежка обняла ее за плечи, поцеловала в щеку и горячо зашептала:

— Мамочка! Честное слово, все будет здорово. Знаешь, сколько здесь ягод, грибов! Бруснику и чернику прямо совками собирают. Не веришь? Делают совки с такими зубьями, — Таежка растопырила пальцы, — и гребут. Нам с Мишкой тут очень глянется.

— Глянется?!

— Ну да. Так Мишка говорит вместо «нравится».

Галина Николаевна громко рассмеялась. Таежка непонимающе глядела на нее.

— Не обращай внимания. Я просто вспомнила, как твой Миш-

ка ел апельсин. Прямо с кожурой. И глаза у него были такие, будто он хину жевал.

— Разве это смешно?—спросила Таежка, не глядя на мать.— Смешно, что Мишка никогда не видел апельсина? Но ведь он не виноват, что родился в Сибири.

— Прости,— сказала Галина Николаевна,— я не хотела никого обидеть. Давай-ка лучше готовить обед, а то скоро папа придет.

Отец пришел под вечер вместе с Семеном Прокофьевичем.

— Вот это есть мое начальство,— сказал он.— Прошу любить и жаловать.

Семен Прокофьевич бережно подержал в своей корявой ладони руку Галины Николаевны и так же бережно отпустил, словно это была не рука, а стеклянная елочная игрушка. Потом директор вышел в сени и вернулся оттуда с большой картонной коробкой.

— Это вам, стал быть, на новоселье,— смущаясь и покрхтывая, объяснил он.

В коробке оказался прекрасный эстонский приемник. Галина Николаевна всплеснула руками:

— Семен Прокофьевич, ну как же можно делать такие подарки? «Октава»! Это же безумно дорогая вещь!

— Ну уж дорогая...— пробормотал директор и смутился еще больше.

Через полчаса, когда Галина Николаевна уже собрала на стол, стали подходить гости. Все они с одинаковым радушием поздравляли ее с приездом и, чокаясь, желали счастья.

Семен Прокофьевич потянулся к ней через стол с рюмкой и спросил:

— Простите, Галя, а вы кто будете по специальности?

— Я? Я врач-педиатр.

— Вы бы нам попроще, по-русски,— попросил кто-то.

Галина Николаевна улыбнулась:

— Ну, по-русски — детский врач.

— Елки-моталки! — воскликнул Семен Прокофьевич, обраша-

ясь почему-то к Забелину.— Значит, наших ребятишек лечить будет? А, Петрович?

За столом оживленно загудели. Таежка смотрела на зардевшееся лицо матери, на отца, чисто выбритого и улыбчивого, и не было сейчас человека счастливее, чем она. Особенно девочка радовалась за мать: Галину Николаевну встретили так, будто она родилась здесь, в Мариновке, потом долго училась в городе и наконец-то вернулась домой.

Таежка подошла к отцу и шепнула на ухо:

— Спой. Ну, ту песню... нашу.

Василий Петрович кивнул и взял гитару. Первые аккорды прозвучали тревожно и грозно:

Черный ворон, что ты выешься
Над моею головой?..

И жесткие мужские голоса отзывались с угрюмой удалью:

Ты добычи не дождешься-а,
Я солдат еще живой.

Пели задумчиво, со сдвинутыми бровями. И Таежка вдруг подумала, что ее отец когда-то вот так же сидел с друзьями в партизанской землянке, а вокруг летала смерть. И партизаны пели, веря в победу:

Ты добычи не дождешься,
Черный ворон,— я не твой.

Василий Петрович не любил вспоминать о войне, но иногда что-то наводило его на думы о тех нелегких днях, и он рассказывал дочери про своих боевых товарищей, рассказывал скупо и сдержанно, а потом целую ночь ворочался в постели и курил...

С полуночи гости стали расходиться. Василий Петрович провожал всех до калитки и просил заглядывать почаще.

Утром, чуть засветало, отец разбудил Таежку и приложил па-
лец к губам.

— Тише. В лес с нами пойдешь?

— С кем? — не поняла спросонья Таежка.

— Ну, со мной и с вашими ребятами.

— А что, таксаторы уже приехали?

— Да. Еще вчера.

Таежка встала, на цыпочках прошла к умывальнику, потом оделась и заглянула в горницу. Мать еще спала, разметав по подушке густые ореховые волосы. Во сне она чему-то улыбалась. И Таежке очень захотелось крепко-крепко прижаться к матери и зажмуриться.

— Не буди ее, — шепотом сказал отец. — Пусть отдыхает с дороги.

Василий Петрович взял карандаш и нацарапал на листке бумаги:

«А засоням — позор. Жди нас к ужину. Очень голодных. Целуем. Василий. Тая».

Василий Петрович прихватил с собой ковригу ржаного хлеба, большой кусок сала и несколько луковиц. Потом они вышли на улицу, осторожно прикрыв за собой дверь.

Во всех концах деревни горланили петухи; во дворах слышался звон тугих молочных струй; хлеставших в подойник, и негромкие окрики хозяек: «Да стой же ты, окаянная!»

От реки тянуло туманом. Где-то высоко в небе, в алеющих облаках, невидимый звенел жаворонок.

Мишка уже проснулся.

Он сидел на крыльце и выстругивал новое березовое топище. У ног его лежал Буран, уставившись на хозяина влюбленными глазами.

— Отправляемся? — Мишка стряхнул с колен стружки и поднялся. — Я сейчас мигом ребят соберу. И за Сим Санычем сбегая. Он у тетки Дуни остановился.

Через несколько минут Мишкина четверка уже стояла у ворот.

Мишка критическим оком оглядел свое подразделение и отправил Курочку-Рябу домой:

— Надень рубаху потолще. А то с тобой греха не оберешься.

Потом, сладко зевая, пришел Сим Саныч, и весь отряд отправился к парому.

Перевозчик дед Игнат пристально поглядел на Мишку и сказал:

— Этого идола не повезу. Ша. Он у меня лодку спер.

— Новости,— сказал Мишка.— Я же ее вернул.

— Все одно не повезу. У-у, оболтус!

— Дед— летом в шубу одет,— засмеялся Мишка. И, сняв штаны и рубашку, бросил их Генке Звереву.

— Кузьмич, холодно,— предупредил Сим Саныч, но Мишка уже ступил в воду и, рыча, поплыл к другому берегу.

Прежде чем паром успел отчалить, белая Мишкина голова уже мелькала посредине реки.

От парома к зимовью Василия Петровича вела узкая мозолистая тропка. Впереди шел Забелин, замыкал шествие Генка Зверев. Он по привычке что-то жевал и с тихой грустью размышлял о том, что вот мать печет сейчас пироги с морковью, а его, Генки, дома нету. Если бы не Курочка-Ряба, Генка ни за что не потащился бы в тайгу. Но дружба есть дружба.

В зимовье уже хозяйничали трое таксаторов. Все они были молодые и все бородатые: для солидности. Один из них, видимо начальник, кудрявый черноглазый парень, похожий на цыгана, спросил:

— Это и есть пополнение?

— А что?— Василий Петрович оглянулся на ребят.— Пополнение первый сорт. Гвардейцы!

— Дяденька, а вы цыган?— поинтересовался Генка Зверев.

— Нет, тетенька,— серьезно ответил черноглазый.— Я абиссинский негус. Честно. Чтоб мне вже украли!

Все засмеялись, и черноглазый тоже. Потом он протянул руку Сим Санычу:

— Виктор Крюков, таксатор. А это Иван и Женька, практиканты.

— Максим,— сказал Сим Саныч.— Снегов. Духовный пастирь вот этих анархистов.

— А меня тоже Виктором звать,— похвастался Курочка-Ряба.

— Да ну? — усомнился Крюков.— Быть того не может.

— Почему это не может?

— А ты сам догадайся. Виктор по-латыни означает победитель. Понял?

Курочка-Ряба, конечно, понял намеки на свою мускулатуру и надулся. Но, когда Крюков достал из планшета большую карту, испещренную какими-то значками, Витька сразу же забыл про свою обиду.

Все склонились над картой.

— Отведем вам для начала два квадрата,— сказал Крюков и торцом карандаша очертил эти квадраты.— Первый между Кураем и Казачкой. На восток до точки двадцать три-а. Там уже стоит наша метка. Вы, Снегов, пойдете туда с группой из трех человек. Другой участок — от Курая и до Моховой падн. Восточная точка сорок восемь-б. Это будет ваш район, Василий Петрович.

— У меня нет компаса,— сказал Сим Саныч.

— Женька, дай ему свой,— распорядился Крюков.

Через десять минут обе группы, прихватив топоры и пилы, отправились к намеченным квадратам. В группу Сим Саныча вошли Генка Зверев, Курочка-Ряба и один из братьев Щегловых. Остальные под началом Василия Петровича двинулись в сторону Моховой падн.

Весь май стоял прохладный, и комарья по утрам было мало. Густой кедровый лес еще спал в зеленоватом сумраке, но меж стволов уже пробивались ярко-желтые изломанные снопы солнечного света. Где-то в стороне слышался цокающий посвист

бурундука. Резко и хрипло, будто простуженные, кричали кед-
ровки; бойко тенькали синицы да изредка крякал под ногами
сучок.

Скоро свернули на оленью тропу, усеянную черными ореш-
ками помета. Тропинка заметно спешила под уклон, на косо-
гах кое-где стали попадаться березы. Здесь, на теплых суглин-
ках, буйно шли в рост царские кудри, кукушкин горичвет и лес-
ные тюльпаны — саранки. Окрестные кусты то и дело стреляли
тетерками.

— Самые охотничьи места, — заметил Мишка. — Где бере-
зы — там и тетерев.

Немного погодя перед глазами ребят открылся темный леси-
стый провал. На самом его дне еще голубели сугробы, и в них
шумела стремительная бить талой воды, по-местному — снежуры.

— Ну вот и Моховая падь, — сказал Василий Петрович. — От-
сюда и начнем.

Задание группы было такое: выяснить состав леса, срубить
в квадрате несколько хвойных деревьев разных пород. На каж-
дом дереве, определив сначала его возраст, нужно было подсчи-
тать количество уцелевших шишек. По ним можно судить, каков
будет прирост леса на ближайшие годы.

Для начала Василий Петрович вывел ребят на просеку и спро-
сил:

— Чем отличается подлесок от подроста, знаете?

Объяснить толком никто не сумел.

— Ладно, слушайте, — сказал Забелин. — Все деревья-ма-
лыши, которые со временем станут строевым лесом, — это под-
рост, то есть они подрастают. Что же это за породы, Михаил?

— Ну, я думаю, в нашей тайге — сосна, ель, пихта, кедр,
лиственница да еще береза, — без запинки ответил Мишка.

— Верно. А подлесок?

— Подлесок — все остальное. Кусты там, всякая мелюзга...

Ответом Мишки Василий Петрович остался доволен.

— Так вот, — сказал он. — Ты, Таисия, и ты, Щеглов, — те-
бя, кажется, Юрой дразнят? — подсчитаете на просеке коли-

чество подростка. Расстояние — километр. Вот вам рулетка. Справитесь?

Таежка кивнула.

— Тогда за дело. А мы с Михаилом будем валить.

Василий Петрович долго выбирал обреченные деревья. Наконец на каждом из них была поставлена метка. И Василий Петрович, вздохнув, подошел к первому — прямоствольной сосне, похожей на золотистую колонну.

— Красавица-то, а? В таком лесу, как в древнем храме, собственное сердце слышишь. — Забелин ласково погладил дерево и взялся за топор. — Прости, голубушка. Надо.

Сопки гулко повторили удары топора. Подрубив сосну, Василий Петрович и Мишка взялись за пилу. Дерево стояло еще минуту, будто раздумывая, падать или нет, потом крикнуло и рухнуло навзничь.

«Ух-хх ты!» — испуганно шарахнулось эхо.

Подсчитав шишки, перешли к следующему дереву.

Под вечер, когда стал донимать гнус, Василий Петрович выдал ребятам диметилфталат, достал сало и хлеб:

— Ну, закусим да и по домам. Норму свою мы выполнили. А завтра переберемся сюда с ночевкой.

На газету, расстеленную Василием Петровичем, выложили всю снедь, у кого что было: пироги, шаньги, вареные яйца, огурцы и конфеты-подушечки. Чтобы отогнать мошкарку, развели дымокур.

— Хотите, отгадаю, что сейчас делают наши? — с набитым ртом спросил вдруг Мишка.

— Что же? — поинтересовалась Таежка.

— Называй кто.

— Ну, Гена Зверев, например.

Мишка закрыл глаза и, раскачиваясь, как шаман, произнес:

— Вижу. Вижу: Генка сидит рядом с Курочкой-Рябой, смотрит ему в рот и канючит: «Ви-ить, кусочек оставь, а?»

— Здорово! А Сим Саныч?

Мишка покачал головой и голосом Сим Саныча сказал:

— «Ай да голодающая губерния! Съел шесть пирогов с пирогом, да все с творогом. Слышу — лопнуло что-то. Думал — пузо. Ан нет — ремень лопнул».

— Тебе, Миханл, артистом быть, — смеясь, сказал Василий Петрович. — Честное слово, в театральную студию иди. Талант пропадает.

— Нет, я тут останусь, — сразу посерьезнев, ответил Мишка. — Вот восьмилетку закончу — и в лесной техникум... А ты, Тайка?

— Я? — Тасяжка задумалась. — Мне хочется стать кинемехаником. Очень хочется. Представляете: привозишь картину в такую деревушку, вроде нашей, а за тобой бегут ребяташки, целая орава! Потом ты уедешь, а они еще неделю рассказывают друг другу о фильме, играют в него. И снова ждут тебя...

— Ой, хитрая! — глубокомысленно покрутил головой Щеглов. — Каждый день кино — и все бесплатно!

— Дурак ты, Щегол, самородковый! — сердито заметил Мишка. — Да разве она об этом говорит? Ну да где тебе понять!

— А я в детстве мечтал стать генералом, — грустно усмехнулся Василий Петрович. — И только после войны понял, какое счастливое это будет время... без единого генерала на земле.

Мишка засмеялся:

— Моя мать говорит: «Собрать бы сейчас всех, кто войны хочет, связать нога к ноге да по воде пустить — кто кого перетянет». Вот бы смеху было!

— Ну, пора и домой, — поднялся Василий Петрович и тщательно затоптал дымок.

— Василий Петрович, а что, если мы со Щеглом до наших добежим? — спросил Мишка. — Вдруг они здесь заночевать надумали?

— Не заблудитесь?

— Это я-то заблужусь?..

— Ну что ж, бегите.

Выбирая какие-то тропинки, известные ему одному, Василий Петрович повел Таежку домой. Сначала они шли сосновым бором, потом низиной, которая поросла редким, низкорослым ельником. Под ногами мягко пружинила моховая подушка; на верхушках елок в лучах закатного солнца вспыхивали и дрожали алые венчики. Казалось, сказочные карлики надели короны и вышли из-под земли, чтобы попрощаться с солнцем.

Таежка согнула одну из елок — и сияние исчезло. Осталась простая паутина, в которой блестели капельки росы.

Тропинка снова потянулась на взгорье и вбежала в сухой смешанный лес. Солнце зашло, сумерки заметно синели, но от земли еще тянуло запахом нагретого разнотравья.

Василий Петрович вдруг остановился.

Где-то очень далеко слышалось тупое и мерное: туп-туп-туп!..

— Что это? — спросила Таежка.

Отец не ответил, только ускорил шаги. Таежка едва поспевала за ним.

Туп-туп-туп! — раздавалось все ближе. И девочка поняла, что это рубят дерево.

Выйдя к опушке, они увидели человека, подрубавшего старый кедр. Рядом спокойно стоял толстый парень в ковбойке. В руках он держал пилу. Чуть в стороне темнел грузовик, и на его подножке покуривал папиросу третий браконьер, видимо шофер. Возле машины лежали уже два раскряжеванных дерева.

— Стой здесь, — сказал Таежке отец. — Если что случится, беги в село. Дорогу теперь найдешь?

Таежка кивнула, чувствуя, как нехорошо холодеет сердце.

Василий Петрович пошел к браконьерам. Они наконец увидели лесничего, но особого беспокойства в их поведении не было заметно по-прежнему. Парень в ковбойке прислонил пилу к загубленному дереву и что-то поднял с земли. Таежка зажала рукой рот, чтобы не закричать: в руках у парня было ружье.

— Сейчас вы поедете со мной в сельсовет,— услышала Таежка негромкий голос отца.

Тишина в лесу наступила такая, что отчетливо слышалось каждое слово.

— А прежде ты проглотить пулю,— насмешливо сказал парень в ковбойке, и зияющее темное дуло глянуло Василию Петровичу в лицо.

Василий Петрович, неторопливо и чуть косо ставя ступни, шел к парню.

«Шаг, еще шаг, еще»,— выстукивало сердце Таежки. Потом в ней что-то дрогнуло и порвалось, и она закричала так, как не кричала никогда в жизни:

— На по-о-омощь!!!

Только спустя уже несколько дней Таежка поняла, что своим криком она могла лишь повредить отцу. Окажись у браконьера слабые нервы, и он нажал бы на спусковой крючок. Но парень в ковбойке немного замешкался, видимо соображая, что делать. Эти секунды его растерянности и решили дело.

Василий Петрович шагнул к нему и вырвал ружье.

— Ты шутник, я посмотрю,— сказал он парню.

— Ага, я веселый,— согласился тот.— А кто это так страшно орал? У меня аж волосы дыбом.

— Эй, ты! — крикнул Василий Петрович шоферу, который впопыхах безуспешно старался завести машину и бешено крутил рукоятку.— Можешь не спешить. Я все равно запомнил номер машины.

Шофер сразу сник.

— Идите в кабину,— сказал Василий Петрович браконьерам.

Они нехотя пошли к грузовику. Василий Петрович помог Таежке забраться в кузов, а сам встал на подножку, и машина двинулась к парому.

Колени у Таежки все еще подгибались и дрожали, и она никак не могла унять эту противную дрожь.

У сельсовета Василий Петрович приказал остановить машину.

Василий Петрович, неторопливо и чуть косо ставя ступни, шел к парню.

— Ты вот что,— запинаясь, сказал он,— не говори маме, а то она, знаешь, волноваться будет. Обещаешь?

— Обещаю,— ответила Таежка.

— Вот и умница. Скажи, что я на минутку зашел в правление. А мы только протокол составим. Беги.

И отец легонько шлепнул Таежку по спине.

«БАНКЕТ» НА ИВАНА КУПАЛУ

Уже шестые сутки группа Сим Саныча пробивалась на восток к заветной точке, помеченной на карте индексом 23-а.

Вначале шли светлые сухие боры, и гнуса здесь почти не было. Потом местность заметно понизилась, и потянулись бесконечные заросли болотного ельника.

Местами почва была такой выбкой, что приходилось рубить деревья и мостить гати. А тут еще одолела мошка. От нее не спасали самые плотные накомарники из конского волоса. Мошка забивалась даже в сапоги, и ноги невыносимо зудели.

У Генки Зверева лицо от укусов распухло и стало походить на шаманскую маску. А глаза превратились в узенькие щелочки. Теперь его никто не называл иначе, как Генка Калмык.

Севка Щеглов в кровь сбил ногу и охал на каждом шагу. Сим Санычу тоже приходилось не сладко, потому что, кроме рюкзака, он тащил на себе теодолит.

Один Курочка-Ряба, на вид такой хлюпик, держался молодцом. Его почему-то не трогала даже мошкара.

— Я тощий, какой во мне вкус! — смеялся он. — Мошка знает, кого выбрать,— и хлопал Генку Калмыка по спине.

Каждые полкилометра Сим Саныч устанавливал теодолит и выверял точность направления.

Потом кто-нибудь уходил вперед и по сигналу Сим Саныча ставил вешки. Ребята по очереди заглядывали в окуляр теодолита, где все было перевернуто «вверх ногами»: небо казалось огромным озером и в его синеву острыми пиками вонзались ел-

ки. А человек, который ставил вешки, выглядел так, будто делал стойку на голове.

На месте вешек вбивались потом специальные столбики с гладким затесом на боку.

На этих затесах Виктор Крюков должен был ставить свои загадочные иероглифы.

Крюков догнал группу за Малым Кураем. Вид у начальника таксаторов был неважный. Практиканты на днях уехали, и Крюкову приходилось трудно. Но цыганские глаза его смотрели по-прежнему весело и зорко.

— Ну что, орлы, притомились? — заорал он, прыгая с кочки на кочку. — Ништяк! Али сети не крепки, али мы не рыбаки?!

— И сети крепки, и мы рыбаки, — в тон ему откликнулся Сим Саныч. — Только ловить, Витя, некого — одни лягушки.

— А французы лягушек едят, — сообщил Курочка-Ряба. — Я тоже один раз пробовал.

— Ну и как?

— Ничего. Только потом на еду два дня смотреть не мог.

При слове «еда» Генка Зверев вздохнул так жалобно, что все засмеялись.

— Держите хвост пистолетом, ребята, — сказал Крюков — Сегодня шабаш. Возвращаемся в зимовье. Два дня будем жить по пословице: «Спишь-спишь, а отдохнуть некогда». Кроме того, шеф-повар Таисия Забелина готовит для вас небывалый банкет. Так что всех прошу явиться во фраках. После банкета национальные песни и пляски племени Болотные Хмыри. Иллюминация, фейерверки и прочее... Да, совсем забыл: вас там ждет один приятель...

Оказалось, что из Озерска приехал Шурка Мамкин и, что называется, попал с корабля на бал. Встреча одноклассников была радостной и шумной. «Тасжники» поочередно тискали Шурку в объятиях. Шурка кряхтел и смущался.

«Банкет» тоже вышел на славу. Была необыкновенно вкусная уха (рыбы наловил Мишка Терехин), была белоснежно-рассыпчатая картошка с тушеным мясом, был огромный пирог с

черникой и, наконец, домашний квас в неограниченном количестве. Отсутствием аппетита никто не страдал, и Таежка едва успевала подносить добавки. Посуды не хватало, поэтому ели по двое из одной миски.

Генка Зверев пристроился с Сим Санычем. Они сидели по-турецки над огромной посудиною. И Сим Саныч косноязычно приговаривал:

— Навались, Гена, навались! Жаль вот, ложка узка — берет два куса, развести б пошире, чтоб брала четыре...

— Не спешите, Сим Саныч,— басом отзывался Генка.— Мы и так отстаем...

После «банкета» был объявлен получасовой перерыв: «чтобы отдышаться», как выразился Курочка-Ряба.

Затем Виктор Крюков влез на пень и произнес речь:

— Товарищи! Как и было предусмотрено программой, мы начинаем самостоятельный концерт под названием «Кто во что горазд». Наш отпуск совпал с исторической датой — днем Ивана Купалы. Товарищи славяне! Проведем его на высшем уровне! Не ударим лицом в грязь перед нашими предками! Ура-а-а!

— Урра-аа! — закричало племя Болотных Хмырей.

В один миг на поляне перед зимовьем появились кучи хвоста и вспыхнули рыжие гривастые огни.

— Первым номером нашей программы — лесной танец в моем исполнении,— объявил Крюков.— Музыкальное сопровождение — лезгинка.

Зажав в зубах нож, он вылетел к кострам.

— Та-та-та, та-та-та-та, та-та-та, та-та-та-та! — загремел доморощенный «оркестр», прихлопывая в ладоши и постепенно ускоряя темп.

Крюков чертом вертелся между кострами, бородинца его развевалась, цыганские глаза горели свирепым огнем, а ноги выделяли что-то непостижимое.

— Василий Петрович! — кричал Крюков.— Выручай, друг! Давай хороводную. Концы отдаю!

— Идет! Только поют все!

За горой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни! —

подхватил хоровод.

Пляшет леший у сосны,
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны!

Мишка что-то шепнул Таежке на ухо и незаметно исчез вместе с Шуркой Мамкиным. Так же незаметно они появились с ведром воды, и Мишка, широко размахнувшись, выплеснул ведро на хоровод.

— Купала! — заорал он, выливая остатки себе на голову.

— Акробатический этюд, — объявил Крюков. — Прыжки через купальские огни. Але-гоп!

И, спрятав под рубаху бороду, первым перемахнул через костер. Мальчишки козлами поскакали вслед за ним.

Потом все отправились к ручью купаться. Курочка-Ряба приделал себе бороду из лишайника и изображал водяного. Он прыгал по-лягушечьи на четвереньках и вопил, как сыч. В ответ эхо разносило над тайгой веселый гогот.

Когда это занятие надоело, кто-то предложил искать цветок папоротника. Ведь, по поверьям, он расцветает на Ивана Купалу ровно в полночь.

Но поиски не состоялись. В полночь все болотное племя, намаявшись за день, насилу доплелось до костров и повалилось кто где.

Последние слова принадлежали Сим Санычу:

— Объявляю соревнование: кто кого переспит. Победитель награждается орденом имени товарища Морфея. Думаю, что орденосцем стану я.

И Сим Саныч тут же заснул.

В соревновании не участвовали только Василий Петрович и Таежка. Еще час назад они попрощались и ушли в Мариновку.

Ночью Таежку разбудили голоса. В соседней комнате разговаривали отец с матерью.

— Ты же губишь себя! — сердито говорила мать. — Все твои товарищи по институту уже защитили диссертации.

— Высосанные из пальца, — усмешливо добавил отец.

— Они растут и занимают крупные посты в тресте. Тебе нужно быть на виду...

— У кого на виду? У кузнецовых?

— Ну хорошо. — Голос матери смягчился. — Если ты не хочешь подумать о нашей судьбе, подумай хотя бы о дочери. Что она видит в этой глухомани? Какие люди ее окружают? А товарищи-то, боже мой! Мишка этот... как его... Терехин, кажется? Рукавом нос вытирает!

«Зачем она Мишку трогает? — с горькой обидой подумала Таежка. — Да он лучше всех московских мальчишек!»

— Ты не знаешь его, Галя. Из таких ребят и выходят настоящие люди. А что касается рукава, то и у Ломоносова в детстве вряд ли был носовой платок... Как у тебя с оформлением?

— Предлагали остаться в городской клинике. Но я попросилась сюда.

Помолчав, мать со вздохом сказала:

— Не хочется мне, Вася, здесь прозябать. Я знаю — я слабый, заурядный человек и не способна на подвиг. Но не всем же быть героями, правда? В конце концов я хочу немногого — жить по-человечески. Или это право только для других?

Отец не ответил. Таежка слышала, как он чиркнул спичкой и закурил. Потом донесся его голос:

— Я понимаю, трудно здесь. Это не город. Зимой будет еще труднее. И условия, в которых придется работать, совсем не такие, как в столичных клиниках. Но ведь ты врач, Галя! В Мариновке его шестой год нету. В дождь и в пургу тебе придется выезжать на зимовки, со скандалом вырывать медикаменты, сту-

чать кулаком, требуя нового помещения для больницы... Другого врача здесь не надо.

— Тише...

Отец и мать заговорили шепотом. И Таежка вдруг смутно почувствовала, что надвигается непоправимая беда. Возможно, ей придется потерять одного из этих дорогих ей людей — она должна будет сделать выбор между ними. Но почему отец с матерью думают только о себе, как они смеют?! Ведь она тоже живой человек и все понимает...

Таежка не смогла сомкнуть глаз до самого рассвета. Когда в окнах заголубело утро, она услышала, как оделся и вышел из комнаты отец. Таежка плотно зажмурилась.

Отец несколько минут постоял на пороге, потом шагнул наружу. Следом за ним из комнаты босиком выскользнула мать.

— Вася! — тихо позвала она, но никто ей не ответил.

«Поссорились», — поняла Таежка.

Мать потерянно стояла посреди комнаты, в полутьме смутно белела ее рубашка. Девочке показалось, что мать всхлипнула.

— Мама, — сказала Таежка, — ты ведь любишь папу?

Галина Николаевна вздрогнула и обернулась.

— Ты разве не спишь?

— Нет. Я давно не сплю.

Мать присела на кровать Таежки, и на лицо ее легла слабая полоса света. Глаза у матери были мокрые.

— Таечка, — сказала она, машинально глядя дочь по голове, — ты соскучилась по Москве?

— Не знаю, мама. Раньше я очень скучала. Но теперь ты здесь, и мне хорошо.

— Понимаешь, дочка, папа очень талантливый человек и в Москве принесет гораздо больше пользы, чем в этой глуши.

Таежка покачала головой.

— Здесь папу любят, — сказала она. — И он очень нужен. Он ведь работает за двоих лесничих.

— Я знаю, — грустно согласилась мать. — Он всю жизнь работал за двоих. И вот награда — медвежий угол да комарье!

Только ты не думай обо мне плохо: ведь я ехала сюда с искренней радостью, а теперь боюсь... Боюсь! — Мать схватила Таежку за руки: — Таечка, умоляю тебя — поговори с папой! Может, он тебя послушает. Обещаешь?

Таежка высвободила руки и села; лицо ее оказалось вровень с лицом матери.

— Что ты на меня так смотришь? — спросила мать и опустила голову. — Значит, не хочешь?

— Нет, мама. Да папа бы все равно не согласился.

Галина Николаевна ничего не ответила и быстро скрылась в своей комнате. Сердце Таежки сжалось от боли. Она на цыпочках подошла к двери:

— Мама!

Мать резко повернулась:

— Ну, что тебе надо? Оставь меня в покое! Злая, неблагодарная девчонка!

Таежка прикусила губу и, чтобы не разреветься, опрометью бросилась на улицу.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

— Ты чегой-то какая квелия? Обидел кто? — спросил дед Игнат, переправляя Таежку через реку. — К своим путь держишь, в зимовье?

Таежка кивнула. Но, выбравшись на берег, она пошла совсем по другой, незнакомой тропинке — сейчас ей никого не хотелось видеть. Тропинка пробивалась сквозь высокую густо-зеленую траву. Роса еще не успела высохнуть, подол платья сразу намок и облепил колени. От его прикосновения по коже бежал чуткий озноб.

Все глубже и глубже в лес уводила тропа; несколько раз она ветвилась, и тогда девочка не знала, в какую сторону идти. Впрочем, это было безразлично.

«Вот заблужусь и умру голодной смертью, — упрямо думала

Таетжка.— Тогда-то папа с мамой помирятся, но будет уже поздно».

Потом Таетжка вспомнила своих одноклассников, и ей стало жалко себя. Больше всех, конечно, будет горевать Мишка. Никогда уж она не забежит за ним на лыжах. Никогда Федя не повезет их в Озерск, и не будет она воровать для Мишки табак.

Все гуще и угрюмее становился равнодушный лес. Солнце уже стояло над вершинами деревьев, и спелые лучи его ползали под ногами, забираясь в каждую щелку.

Таетжка присела отдохнуть возле крохотного лесного озера. По его тяжелой воде стремительно скользили водомерки. Они походили на лихих конькобежцев-фигуристов, а само озеро напоминало каток, залитый тусклым и гладким льдом.

У берега под водой суетился жук-плавунец: строил воздушный колокол. Он то и дело поднимался на поверхность и высовывал наружу оливковое брюшко. Набрав воздуха, жук нырял и принимался хлопотать вокруг своего подводного домика.

Таетжка долго следила за жуком, потом вздохнула и побрела дальше. Очень хотелось есть. На какой-то просеке ей повезло: она набрала несколько горстей красной смородины. Впрочем, смородина была еще зеленой и на вкус оказалась такой кислой, что сводило челюсти.

Таетжка все-таки съела ягоды. Но голод от этого не притутился.

Рядом торопливо лопотал о чем-то ручей. Таетжка напилась его студеной воды, хотя жажды не чувствовала. Напившись, она прилегла под старой, дуплистой березой и закрыла глаза. Ноги гудели от усталости, все тело охватила зыбкая, ленивая дремота, и Таетжка уснула.

Ей снилось, что она плывет на плоту по широкой реке, и легкие волны, серебрясь на солнце, покачивают ее покойно и плавно. Бревна плота с шуршанием терлись друг о друга и сильно пахли размокшей сосновой корой.

Мимо по берегу мелькали черемухи в позднем весеннем цвету, и ветер раскачивал их вершины. Но с деревьев срывались не

цветы, а тысячи белых бабочек. Они летели к плоту и, обессиленные, падали в воду. Они кричали жалобно и хрипло, как птицы, попавшие в беду.

— Вставай, вставай! — прозвучал где-то рядом настойчивый голос.

Таежка открыла глаза и увидела Мишку. Лицо у него было серьезное и встревоженное.

— Беда, Таежка! У Белого ключа тайга горит. Там наши уже воюют.

Таежка вскочила.

— Айда! — Мишка взял ее за руку. — Я тут короткую тропу знаю.

Они помчались через кусты напрямик и скоро выбежали на тропинку.

— Ты как меня нашел? — спросила Таежка.

— По следам. Дед Игнат сказал, что ты в эту сторону пошла. Я в деревню за народом бегал.

— Слышишь, пожаром пахнет... Сильно горит?

— Пока нет. Пал еще низом идет... Устала?

— Ничего.

— Ровнее дыши. И помалкивай.

Года два назад у Белого ключа был лесосек. Тайга тут поредела, и на целые километры зажелтели ядренные смолевые пни. Их скоро захлестнул стремительный подсед — черемушник, смородина и малина. Поднялась на вырубках и трава, да такая, что с головой укрывала человека. Тонкое голенастое краснолесье вытянулось над этим травяным морем, словно высматривая невидимого врага.

А враг шел с востока.

Под его быстрыми лапами потрескивал сушник, дымились муравейники и чернела земля. Даже несмотря на полное безветрие, над этими мертвыми прогалинами плясали легкие хлопья пепла.

Когда Таежка и Мишка добежали до Белого ключа, там уже толпились люди. И Василий Петрович говорил:

— На самые опасные участки вызваны парашютные бригады. Наша задача не пропустить пожар на запад. Здесь редкое лесье,— думаю, справимся своими силами. К Белому ключу пустим встречный пал.

Василий Петрович встретился взглядом с дочерью, хотел что-то сказать, но промолчал.

Распределяя места для отрядов, Забелин отвел Сим Санычу и школьникам довольно легкий участок на правом фланге. Здесь рос только мелкий кустарник да и трава была не особенно густая.

— Смотрите за ребятами в оба,— сказал Василий Петрович.— Чтобы без глупостей.

Сим Саныч кивнул.

Потом они сидели в засаде и ждали сигнала.

— Интересно, кто мог поджечь? — спросил Мишка.

Сим Саныч пожал плечами.

— Вряд ли это поджог. Есть в физике и такое понятие — самовозгорание. Например, фосфоро-водородный газ, так называемые болотные огни...

— Смотрите! — крикнул вдруг Генка, показывая на небо.

Вдали над лесом покачивались три самолета, роняя вниз темные фигурки. Ребята видели, как над каждой из них, словно пледы одуванчика, раскрывались парашюты.

Между тем пал приближался. В лицо ребятам пахнуло душистым жаром, как из пасти сказочного дракона.

Запах опаленной травы становился все слышнее, и наконец по цепи пришел приказ Забелина: «Пора».

Сим Саныч достал коробок спичек, поджег клочок бересты и в нескольких местах ткнул им в траву.

Через полминуты вдоль всего пространства, где находились люди, растянулась золотистая цепочка огня. Она уверенно поползла вперед, оставляя за собой серую, без единой былинки землю.

А пал подходил все ближе и ближе. Через болотистую низину Белого ключа он крался сторожко и медленно; помахивая багровым хвостом, прыгал с кочки на кочку и недовольно шипел, когда натыкался на воду. Временами он отлеживался в жестких зарослях белоуса и ситника, чтобы потом снова сделать прыжок на сухие мхи и разнотравье. Здесь он становился наглее, бежал, уже не прячась, будто наверстывал упущенное время.

И вдруг произошло непонятное: разбойник сам столкнулся с огнем. Схватившись с ним, пал бешено загудел, взметнул кроваво-красный ворох листвы и плашмя рухнул вниз.

Он задышался в дыму, кряхтел и цеплялся за скудную почерневшую траву. Ослабев, стал вылизывать обугленные пни.

А по следам встречного пала бежали люди. Сырыми еловыми ветками они с размаху добивали бессильное пламя.

На участке Сим Саныча появился Забелин. Он смахнул с лица пот, размазав сажу, и поискал глазами Таежку.

— Как тут у вас?

— Жарко,— сказал Сим Саныч.— Дышать нечем. Держится, проклятый. Боюсь, как бы в пихтачи не ушел. Видите, влево попола.

— Ладно. Сейчас я вам людей подкину.— Ссутулившись, Василий Петрович побежал к центру и исчез в дыму.

Перебравшись через Белый ключ, пал не пошел прямо, как ожидали, а переметнулся левее, где встречный огонь не успел выжечь траву.

Ребята хлестали его телогрейками, топтали сапогами, но пал цепко и упрямо полз к пихтачам.

«Надо встречный пустить»,— мелькнуло в голове Сим Саныча.

— Куда-а-а? — прозвенел вдруг отчаянный крик Таежки.

Сим Саныч оглянулся и увидел, как в огне у самой стены пихтача то появляется, то исчезает человек.

«Мишка!» — окинув взглядом ребят, догадался Сим Саныч и бросился к пихтачу.

Гудящая стена огня настигла его на полпути...

В мозгу Мишки билась одна-единственная мысль: «Только бы успеть, только бы успеть...»

Но пустить встречный пал Мишка не успел. Лишь сейчас он понял никчемность своей затеи. Гудящая стена огня настигла его на полпути, помутила сознание. На голове сухо и противно затрещали волосы.

«Все»,— подумал Мишка и, машинально закрыв лицо руками, упал ничком в пахнувший горячей гнилью мох...

НОЧНАЯ РАДУГА

Очнулся он поздним вечером от прикосновения ко лбу чего-то прохладного. Через силу поднял веки и встретился взглядом с Галиной Николаевной. Она мокрой тряпкой вытирала ему лицо. Тряпка пахла остро и неприятно. Рядом с Галиной Николаевной на корточках сидела Таежка. Из глаз ее горохом катились слезы, оставляя на чумазых щеках светлые полосы.

— Чего ревешь-то? — спросил Мишка и попытался улыбнуться. Но улыбка не вышла — лицо было как деревянное. — Что с огнем?

— Погасили.

Мишка кивнул и попросил пить. Ему принесли кружку воды. Вода почему-то была горькой на вкус.

Подшли Сим Саныч, Василий Петрович и ребята.

— Ну что, герой? — спросил Сим Саныч. — Как самочувствие?

— Нормально, — буркнул Мишка. Он чувствовал себя виноватым перед учителем.

— Снять бы с тебя штаны да как следует... — сказал Забелин. И хотя голос у него был сердитый, глаза смотрели на Мишку ласково.

Кряхтя и охая, Мишка поднялся на ноги. Голова у него кружилась и болели обожженные руки.

— Идти-то сумеешь? — спросил Генка Зверев.

— Сумею.

— Домой сейчас не поспеем, гроза идет,— сказал Сим Саныч.— Что бы ей пораньше нагрянуть!..

С юга стремительно надвигалась плотная черно-сизая туча. С брюха ее косой бахромой свисали дымные полосы дождя. Путаясь в траве и шурша, набежал свежий ветер; лес вокруг зашел, зашевелился, словно проснувшись от жаркого сна.

— Идите сюда! — крикнула Галина Николаевна.

И все побежали к ней под раскидистую густолапую ель.

Стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Таежка взяла руку матери и тихонько погладила. Наклонившись к дочери, Галина Николаевна шепнула:

— Ты не сердисься?

Таежка помотала головой.

— И за Мишку меня прости... Ладно?

Лес внезапно заухал, загудел органичными голосами; потом послышался глухой, ровно нарастающий шум: это приближалась стена ливня. Вокруг сразу потемнело, минуту спустя ударил раскат грома, и меж деревьев заплясали тугие водяные струны.

Молнии, словно сабли, полосовали небо, и в их неверном, неживом свете возникали то мокрые кусты, то молочно-белые березы, то кудлатые, растрепанные ветром шапки сосен...

Ливень прошел так же быстро, как начался. В лесу сразу стало тихо, ветер упал, и над тайгой колесом выкатилась огромная ясная луна.

— Ну, потопали? — спросил кто-то.

И по мокрой прохладной тропинке растянулась цепочка людей. Таежка, Галина Николаевна и Мишка шли последними.

Оглянувшись назад, Таежка вдруг вскрикнула:

— Ребята, смотрите! Что это?

На иссиня-черной туче, которая только что прошла, с каждой секундой все отчетливее проступала радуга.

— Ночная! — шепотом сказал Мишка.— Говорят, кто увидит ее, у того сбудется все, чего он хочет. Только она редко кому показывается.

В полной тишине как зачарованные ребята и взрослые смотрели на это чудо.

— Радуга,— сказала Тася и тихо засмеялась.— Радуга ночью...

В ней не было всех цветов спектра — только красноватый, голубой да чуть заметная зеленая полоса. И все же это была радуга.

Невидимое далекое солнце, отраженное луной, играло в каплях дождя.

ОДНАЖДЫ НА БОЛЬШОЙ РЕКЕ

Валька Заботин, а по-уличному Валега, проснулся ни свет ни заря. Зябкое и туманное, в окна лениво вползало утро. Было безлюдно и тихо. Только с улицы доносился повизгивающий металлический звук, словно кто-то раскручивал над головой пучок тонкой проволоки. Это в тополях, дожидаясь солнца, дружно орали воробьи.

«Вот жабы,— подумал Валега.— Темень еще, а они ярмарку устроили».

Свесив ноги с постели, он на ощупь нашел тапочки, встал и побрел по избе разыскивать штаны.

— Тимофей заиграл, больше некому,— бормотал Валега, заглядывая под кровать, на которой сладко посапывал Тимофей.

Когда штаны нашлись, Валега сполоснул над шайкой лицо,

прихватил со стола горбушку хлеба и, стараясь не разбудить мать, вышел на улицу.

Через четыре дома он остановился и коротко свистнул. В окне показалась заспанная Колькина физиономия.

— Не рано, Валь?

— Ленивому, может, и рано,— ворчливо сказал Валега.

Чтобы согреться, они пробежали до самой реки. У излучины Валега показал приятелю кулак: не шуметь. Колька кивнул.

Оскользаясь на мокрой от росы траве, спустились к реке. Над рекой висел густой, похожий на дым туман. У воды Валега остановился, обшарил глазами берег и повернул к Кольке растерянное лицо.

— Что? — не сразу понял Колька, а потом ахнул: палка, к которой был привязан перемет, торчала далеко в воде.

— Вот это да! — сказал Колька.— Метра на три прибыла.

А Валега только хмыкнул и стал раздеваться.

— Поле-езешь? — спросил Колька, и его вдруг затрясло: лед прошел всего неделю назад, под Первое мая.

Глубоко вздохнув, Валега с перекошенным лицом шагнул в воду. В нескольких метрах от берега он окунулся, затряс круглой стриженной головой и поплыл, тоненько, по-щенячьи взвизгивая. Мучительно долго он не мог выдернуть палку. Наконец она поддалась, и Валега, работая одной рукой, подгрреб к берегу.

Колька принял у него палку и стянул куртку:

— Бери, теплее будет.

Лязгая зубами, Валега стал одеваться, а Колька... Колька смотрел на него влюбленными глазами и думал о том, что второго такого Валеги на свете нет. С Валегой как с равным держались даже десятиклассники. Валега знал уйму таких вещей, которые Кольке и не снились. Знал, например, что звезды можно увидеть днем, если забраться в глубокий колодец; что великолепное, певучее, как море, манящее слово «гавань» произошло от немецкого слова «Нафен» — порт; что у каждого человека за

шестнадцать предшествующих поколений было 65 536 предков, что...

— Ты что, спишь? — спросил вдруг Валега. — Тяни, только не торопись.

Перемет медленно пополз из воды. На первых крючках ничего не было, кроме дохлой наживки. Валега снимал окостеневших, негнущихся пескарей и одного за другим бросал на берег. Зато на конце перемета сидели два килограммовых налима. Глядя, как они по-змеиному юлят на песке, Валега сдержанно усмехнулся:

— Здоровые, черти. Как раз по штуке на брата...

— Мне не надо, — отказался Колька. — Я же на берегу стоял, да и перемет твой.

— А если бы твой был? — нахмурился Валега.

— Да я не потому, Валь. Просто мама вчера такого тайменя купила, во! Хвостик — как у акулы, — поспешно соврал Колька.

Он знал: Валегина семья живет неважно, особенно с тех пор, как от них ушел отец. Рыбалка для Валеги была не забавой, а ремеслом, подспорьем материнскому заработку. И в воду Валега полез вовсе не для того, чтобы похвалиться своей закалкой.

Когда Валеге везло и рыбы попадалось много, они ходили сдавать ее в сельскую чайную. Делать это в одиночку Валега почему-то стеснялся. Запрашивали они недорого. В чайной кормился свой, рабочий люд: трактористы из РТС, лесорубы и трелевщики из леспромхоза, заезжие шоферы, обозники, гуртовщики и геологи.

— Ладно, убирай снасть, — подумав, сказал Валега, и, пока Колька сматывал перемет, Валега выломал прут с сучком на конце и нацепил на него налимов.

Возвращаясь домой, еще на полпути они увидели Тимофея. Он кубарем катился по косогору. Одной рукой Тимофей поддерживал спадавшие штаны, в другой была березовая ветка, он подбадривал самого себя. Добежав до ребят, единым духом выпалил:

— Товарищи граждане, без паники! Детей и стариков увозить в первую очередь! Перегоняйте скот... забыл куда!

— Ты что, рехнулся? — с тревогой спросил брата Валега.

— Товарищи граждане, — опять забубнил Тимофей, — ожидается наводнение... Без паники... Знаешь, какое наводнение будет, знаешь?

— А знаешь, что тебе будет, если набрехал? — Валега сунул брату налимов и кивнул Кольке: — Бежим!.. А ты... — он повернулся к Тимофею, — чтоб через пять минут дома был. Иначе... башку оторву.

— Уж факт, оторвет, — подтвердил Колька.

И они помчались в село.

На улицах творилось что-то неслыханное. Тревожно и хрипло мычали коровы, ржали и свечами вставали кони, надсадно визжали свиньи; возле сельпо, сбиваясь в кучу, разногласо вопила овечья отара. И только люди вели себя относительно спокойно. Перебрасываясь короткими фразами, они деловито таскали из домов сундуки, посуду, перины, мешки с мукой и как попало валили на телеги.

Весь этот рев и суматоху покрывал низкий голос репродуктора:

— Товарищи, сохраняйте полное спокойствие! На помощь вам высланы вертолеты и катера. Все дети и старики должны явиться в школу, где их ожидают грузовые машины. Вещи и продукты с собой не брать. Будет организовано общественное питание. Не допускайте паники, товарищи.

— Вначале домой, — бросил на ходу Валега. — Забегу — и сразу ко мне.

Дома мать встретила Валегу с ухватом.

— Ну, где тебя черти носят? Все сердце изныло, вот лихо-то на мою голову!

Валега взял у матери ухват, поставил в угол.

— Не шуми. Давай лучше помогу узлы собрать.

Пока они увязывали узлы, Тимофей крутился под ногами и приставал с расспросами:

— А уткам тоже уезжать? Мам, уезжать?

— Уезжать, отстань!

— И чего им уезжать?— недоумевал Тимофей.— Они вон как плавают.

Потом Валега вместе с Тимофеем потащил узлы на подводу, стоявшую у ворот. Сюда же носили вещи соседи, Мокеевы. Они трудились всей семьей. Одна старуха Мокеиха безучастно сидела на завалинке и причитала:

— Господи, господи милосливый, конец света!

Ей, видно, хотелось перекреститься, но руки были заняты: в одной она держала патефон, а другой прижимала к груди икону.

— Господи, господи, конец света...

— Валька! — позвала из дому мать.— А как же поросенок и куры?

— В лодку.

— Станут они в лодке сидеть!

— Станут, — уверенно сказал Валега. — Мы их в курятник посадим.

Куры зимой жили на кухне, в ящике, сколоченном из штакетника. Валега вытащил его во двор, поставил в лодку и заманил кур, насыпав зерна. Туда же засунули поросенка. Оставалось снабдить их едой и привязать лодку к чему-нибудь основательному, чтобы не унесло водой.

Валега уже подыскивал веревку подлинней, покрепче, когда во двор влетел Колька. Лицо у него было такое отчаянное и злое, что Валега спросил:

— Дома влетело?

— Чего «дома»? Ферма пропадает, а всем хоть бы что! Я директора спрашиваю, как же быть, а он: «Новую наживем!»

Колька чуть не плакал.

— Погоди, — остановил его Валега. — Ты по порядку. Разве ее не вывезли?

— А кто вывезет-то! Ты выйди погляди, что на реке деемся! Паром в одну минуту сорвало!

— Дела!..— Валега задумчиво поковырял на ладони мозоль. Школьная звероферма находилась по ту сторону реки, у Красного Бора, в получасе ходьбы от переправы. Совет звероводов решил, что там их питомцы будут чувствовать себя лучше, чем в селе: тишина да и к вольерам никто не липнет. Ферма, конечно, пока что не настоящая: всего пара черно-бурых лисиц да пара соболей. Но через несколько лет ей цены не будет. А главное, сколько было беготни и хлопот, сколько труда положено, прежде чем удалось выклянчить зверей у колхоза! Колхоз хоть и богатый, а на дармовщинку не разбежишься. Пришлось взамен вырастить две сотни кроликов да еще сорок дыпят в придачу. И как сиял Колька, когда его назначили сменным завхозом фермы!

— Ладно,— сказал наконец Валега.— Помоги-ка мне вытащить курятник.

— Ты что это надумал? — закричала мать, увидев, как мальчишки вытаскивают кур из лодки.— А ну, поставьте на место! Потонет поросенок, что жрать зимой будешь?

— Подымай,— сказал Валега.

Они поставили лодку на тележку и вывезли за ворота.

— Не пущу! — бросилась на улицу мать.— Пропадай он пропадом, поросенок, а вас не пущу!

Валега пристально посмотрел на мать.

— Не пущу,— уже неуверенно повторила она и вдруг заплакалась.

— Ну чего ты в самом деле? — тихо и виновато сказал Валега.— Все будет как надо.

*

Река ревела так, что можно было оглохнуть. Мутная, в беле-сой клубящейся пене, она обрушилась на берега, сметая на своем пути штабеля бревен, опрокидывая дома и постройки, захлестывая низины и много километров вокруг. Вал шел за валом, словно стада взбесившихся быков. Под их тяжелыми ударами

содрогались даже вековые кедровые деревья, устоявшие не в одном полове.

Обливаясь потом, Валега и Колька подтащили лодку к реке. И тут неизвестно откуда взялся Тимофей.

Валега побелел.

— Ты почему не в школе? — заорал он, подступая к брату с кулаками. — Почему не уехал, я тебя спрашиваю?!

Тимофей что-то ответил, но рев воды смел его голос. Прогонять брата было поздно: он не успел бы добежать до села.

— Садись в лодку, толстый дурак! — крикнул Валега. — Живо!

Тимофей, как заяц, прыгнул в лодку и притих, вцепившись в борт обеими руками.

Лодку развернули носом к накатывающей волне, и Валега застыл на корме с двусторонним веслом.

Очередной вал хлынул на берег, на его хребте плясала грязная, рваная накипь; лодка крикнула, как живая, вздыбилась, тяжело взбираясь на волну, и ухнула вниз.

— Держись! — что есть мочи крикнул Валега и заработал веслом.

Минуя водовороты, лодка выползла на стремнину и медленно двинулась к противоположному берегу.

Сверху несло разбитые бревна, доски, обломки бочек, кучи навоза, пустые бочки, плетни, вывороченные с корнем кусты и всякий хлам. Изредка в волнах ныряли раздутые, похожие на бурдюки туши животных.

На середине реки шум воды стал слабее, и Валега услышал, как Тимофей бормочет:

— Господи сусе, господи милосливый, конец света!

Наконец появились первые прибрежные кусты краснотала. Вернее, из воды торчали только их верхушки.

«Опоздаем, — подумал Валега. — Неужели опоздаем?»

Руки постепенно наливались усталостью, становились тяжелыми и непослушными.

— Дай я погребу,— предложил Колька.

Они поменялись местами.

Раздвигая кусты, лодка неуклюже, как утюг, ползла в сторону Красного Бора. Ребят порядочно снесло, и теперь приходилось грести против течения. Скоро Колька выбился из сил, и весло опять взял Валега.

Изредка лодка натывалась на большие деревья, и тогда в нее с веток мягко шлепались мыши.

Тимофей дрыгал ногами и визжал, как поросенок в мешке.

— Не ори, не съедят! — цыкал на него Валега. — Взяли тебя на свою шею.

Потом стали попадаться копны сена. Издали они походили на казачьи папахи, нечаянно оброненные в реку. Покачиваясь, копны проплывали мимо, на них сидели взъерошенные грязно-серые вороны — отдыхали. Валега подумал, что сено, видно, несет с лугов у Красного Бора. Значит, и там уже вода.

Предположение оказалось верным. Они добрались до поляны, где стояли вольеры, ни разу не выбираясь из лодки. В первой вольере было сухо. По ней, как угорелый, метался старый лисовин Борька. Бурая с седой остью шерсть стояла на нем дыбом. А лисица, упершись передними лапами в проволочную сетку вольеры, устало и хрипло выла. Она должна была на днях ощениться.

— Открывай,— сказал Валега.

Колька выпрыгнул из лодки и, подбежав к вольере, откинул задвижку. Дверца бесшумно распахнулась. Борька, радостно взвизгнув, выскочил из вольеры и сразу махнул в лодку. Немного помешкав, лисица скользнула следом.

В следующей вольере, где жила пара соболей, уже плескалась вода. Соболи забились в дуплистый обрубок дерева и никак не хотели выходить.

— А вдруг утонули? — спросил Колька.

— Нет, просто перетрухали, дурни.

Валега засучил штаны, сбросил тапочки и выбрался из лодки.

— Дай-ка мне куртку.

Обмотав курткой правую руку, он вошел в вольеру и полез в дупло.

— Тяни, тяни их! — вопил во все горло Тимофей, услышав, как в дупле сердито захрюкал соболь.

Когда Валега вытащил руку, в кулаке у него извивался черный с голубым подшерстком зверек. Валега отнес его в лодку и вернулся назад.

Через минуту оба соболя, дрожа от страха и ярости, сидели на носу лодки и пронзительно верещали при каждой попытке Тимофея погладить их.

— Ух и злые! — восхищался Тимофей. — Их бы вместо собаки, только они лаять не умеют. — И вдруг ни с того ни с сего добавил: — А я есть хочу.

— Ты мне о еде не заикайся, — мрачно посоветовал Валега. — Тебя в лодку никто не звал.

Валега и сам давно хотел есть: с утра во рту не было ничего, кроме куска хлеба. А сейчас уже вечерело.

Валега с тревогой думал о том, где они будут ночевать. Возвращаться в село не имело смысла: там наверняка все затоплено и нет ни одной живой души. Самый разумный выход — это доплыть до города, куда уехала вся школа. Город стоял на крутом каменистом яру километрах в двадцати вниз по течению. Если добраться туда, то можно, пожалуй, разыскать своих и как-нибудь пристроить зверей.

Сообщив о своем решении Кольке, Валега погнал лодку на середину реки. Плыть у берега было опасно: в темноте недолго угодить под «навес» — подмытые и низко нависающие над водой деревья.

На том месте, где стояло село, было темно и тихо, и как ребята ни напрягали зрение, разглядеть ничего не удалось.

Вода сейчас уже не ревела, а сонно и покойно люлюкала у бортов: видно, наводнение шло на спад, и река, набесновавшись вволю, медленно уходила в свое русло.

Ночь на реке падает быстро. Когда совсем стемнело и на волнах запрыгали крупные голубоватые звезды, Валега приказал

Кольке и Тимофею ложиться спать. Они легли, тесно прижавшись друг к другу. Тимофей долго кряхтел и охал, потом сказал жалобным голосом, что в городе съест два или даже три чугунка картошки и целую буханку хлеба.

— Лопнешь,— сказал Валега.

— Ну, тогда два чугунка,— охотно уступил Тимофей.

С верховьев подул ровный холодный ветер, и Валега подумал, что они хорошо сделали, прихватив с собой телогрейки.

По небу бежали редкие облака, и тени их скользили по воде легкими маслянистыми пятнами. На носу лодки, свернувшись по-собачьи клубком, спали лисы.

Лодка покачивалась, и шкурки зверей вспыхивали морозными блестками.

А соболи еще никак не могли утомониться и смотрели на Валегу сторожкими зелеными глазами.

Колька никак не мог заснуть и все думал о доме, о том, что ему здорово попадет от матери, если, конечно, не заступится отец. Отец всегда за него заступается.

— Валь,— окликнул Колька товарища,— Валь, ты по отцу не скучаешь?

Валега молчал.

— Он вам совсем не помогает, да? — снова спросил Колька.

Валега покачал головой.

Они надолго замолчали. И Колька уже начал думать о другом, когда Валега жестко сказал:

— И не надо. Сами вырастем. Я вот через год седьмой закончу, работать пойду. А то матери-то одной не больно сладко приходится. Да и Тимку жалко.— Голос у Валеги дрогнул и потеплел.— А Тимофея я все равно выучу, профессор будет. Он головастый, уже сейчас по слогам читает.

У Кольки к горлу вдруг подступили слезы. Но заплакать он побоялся: Валеге и без его слез тяжело.

— Валь, знаешь, мы Тимофея вдвоем выучим, ладно? — шепотом сказал Колька.

Они долго слушали, как дремотно и глухо плещет о лодку река и где-то высоко в небе невидимый гудит самолет.

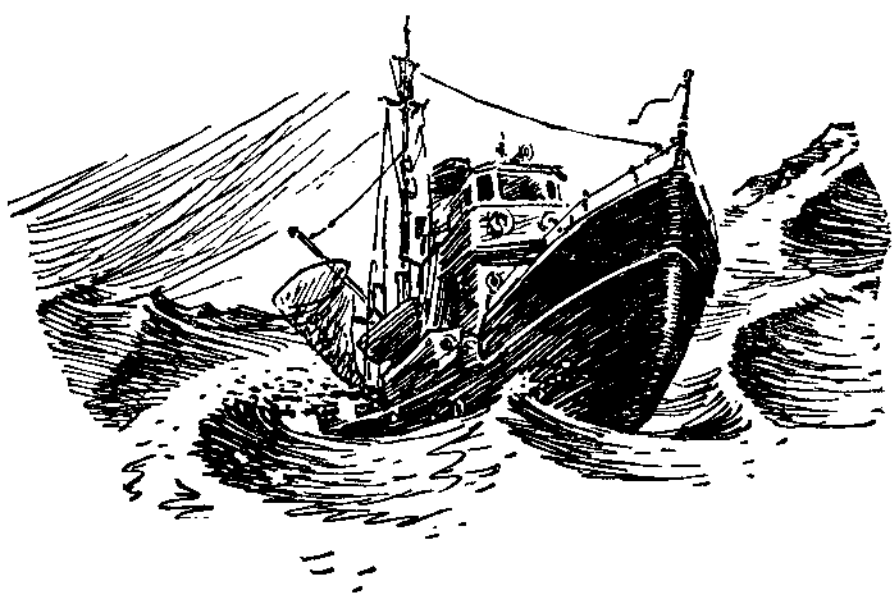
— Валь, как ты думаешь, к утру доплывем?

— К утру-то? Конечно.

— А если гроза?

— И в грозу доплывем,— подумав, сказал Валега и засмеялся.

Он уже видел россыпи бесчисленных дальних огней — город.

ЗУЕК

Рыболовецкий мотобот «Онега» вторые сутки утюжил гигантский лист фольги — Белое море. На закате второго дня, роняя за собой жидкие хлопья дыма, «Онега» прошла Золотицу. Когда становище растаяло и слилось с нечеткой полосой берега, солнце присело на воду. Грузное и неправдоподобно распухшее, оно расстелило перед судном узкую багряную дорогу.

Петьке это чудо почему-то не понравилось. Надвинув на самые уши старую милицейскую фуражку, он неодобрительно подумал о море! «Ишь расфуфырилось, будто цыганка!»

Потом подбородком кивнул на солнце и сказал вслух:

— Не глянется оно мне.

Капитан скосил сердитый глаз, промолчал. А Петьку, как назло, потянуло говорить.

— Как бы, Афанасьевич, погоды не было! — снова сказал он.

— А подзатыльника хочешь? — не поворачивая головы, спросил капитан. — Треплешься, сорока сорокой! На языке-то уж, поди, волдыри...

Петька обиделся:

— Да я за весь день хоть три слова сказал? С вами поговоришь, ка-а-ак же, держи карман!

— Попусту говорить — не золото дарить. Думай вот побольше да смотри. — Афанасьич спрятал глаза в колючих, как боярышник, бровях и тоном приказа добавил: — Ступай в кубрик! К ночи выпататься надо.

Петька поворчал немного и полез в кубрик. Там стоял теплый дух машинного масла и металла. На койках спали уставшие за день люди: старпом, большой и резкий в движениях грузин, чем-то похожий на Петра Первого; боцман Данилов с темным худым лицом, его шестнадцатилетний сын-последыш Серега да Матвей-моторист. Вот и вся команда «Онеги». Только внизу еще потеет у движка Матвеев помощник — Валька Филин. Филином его прозвали из-за глаз, желтых и круглых, как фонарики. Валька мог видеть ими даже в кромешной тьме.

«Даст же бог такие глазищи — никаких локаторов не надо!» — мучился завистью Петька, прилаживаясь на своей койке и глядя в голубой пятак иллюминатора.

Вечер над морем все густел, и скоро пятак из голубого стал темно-синим, потом серебристым...

Петька не заметил, как сомкнулись веки, и он очутился дома, в старой рыбацкой деревушке. Деревушка глядела на море сквозь бесчисленные вешала и многослойную паутину сетей, а возле сетей похаживали прямые белобородые деды с коричневыми, в морщинах руками.

На отшибе, у школы, терпко пахли сосной новые столбы: там недавно на смоленых канатах подвесили качели. У качелей день-деньской бесались и гоготали ребяташки.

Когда к качелям вразвалку подходил Петька, ребятня уважительно расступалась — ведь Петька уже был зуйком (так у поморов зовутся юнги) и сам зарабатывал на хлеб.

Упершись в доску крепкими босыми ногами и посадив на другой край двух пацанов, Петька приседал, ухал, тянул на себя веревки. И вот через минуту он стремительно, броском взлетает в низкое небо, запрокидывает голову и жадно глотает ветер. Присел — и под ногами бездна, и сладко щекочет в животе, и хочется плакать, орать от счастья.

— Держись! В море не то быва-ат!

Вверх, в небо, вни-из!..

— Слезай, Петра! Али оглох? — где-то рядом сердится Афанасьич. — Слезай, говорю!

Петька открыл глаза и рывком сел на койке. Из ушей будто вату вытащили — в сознание сразу ворвался рев моря. Стены кубрика шатались и скрипели. С мокрой бороды Афанасьича бежала вода, капала на пол, но звука капель не было слышно.

— Норд-ост! — крикнул Афанасьич. — Как атом свалился, лешак! Беги к помпе, Петра, да мигом!

Растрясая остатки сна, Петька скатился в трюм и только тут вспомнил: сапоги надеть забыл. Постоял секунду, ругнулся и стал карабкаться наверх. «Онегу» крепко швыряло: поручни трапа так и рвались вместе с руками.

В кубрике Петька столкнулся с Серегой. Тот одной рукой держался за койку, а другой воровато и мелко крестился на ил-люминатор.

«Ишь набожной, в батю попер!» — подумал Петька и с сердцем крикнул:

— Нашел время, богомол!

Сереге сконфузился и бочком исчез за дверью. Плюнув ему вслед, Петька достал резиновые сапоги, намотал на ноги кучу портянок (сапоги были велики) и наспех обулся.

— Теперь и в трюме не страшно, — вслух сказал он.

Но в трюме было страшно. Здесь каждый звук слышался отчетливо и громко, словно в бочке. То всхлипывала под ногами вода, то протяжно и хрипло кряхтело дерево. Ботик уже свое отслужил, ходил последнюю навигацию. Северное море расшатало его когда-то упругий корпус, на совесть сработанный из

тонкослойной беломорской сосны. И теперь, в погоду, он давал течь. Правда, небольшую, но работы Петьке хватало: рычаг у помпы был неподатливый и тугой, настолько тугой, что, поработав четверть часа, Петька взмок и начал задыхаться. В ушах, во всей голове тикало что-то звонкое, как будильник. А тут еще ноги: ледяная вода давала себя знать даже сквозь резину и многочисленные портянки.

Держась за рычаг, Петька попробовал стоять то на одной, то на другой ноге. Это было трудно: пол все время уходил из-под ног. Через полчаса вода прибывала, и Петька снова налегал на помпу.

Работал и слушал, как твердолобые волны бодали обшивку «Онеги», как все изношенное тело бота стонало и содрогалось. И вдруг прямо перед собой на пустом ящике Петька увидел крысу. Она с места попыталась вспрыгнуть на трап, но сорвалась и жирно шлепнулась в воду.

— Крысы бегут! — шепотом сказал Петька и почувствовал, как под фуражкой шевельнулись волосы.

И тут же до его слуха донеслось глухое, длинное улюлюканье воды.

— Обшивка!..

Петька попятился к трапу, икнул и в несколько прыжков вылетел наверх. На палубе его мягко, но тяжело ударил в грудь ветер, и он покатился по мокрым доскам, срывая ногти и крича какую-то бессмыслицу. Потом ему плеснуло в лицо водой, ударило, перевернуло на спину, и Петька увидел вороные, с синевой тучи, брюхом цеплявшие за мачту.

Петька поднялся на четвереньки и наугад, чутьем пополз к спасительному кубрику, где наверняка были взрослые.

Он плохо помнил, как добрался до двери и как по-прежнему на четвереньках, не вставая на ноги, вполз в кубрик. Поднявшись, Петька увидел перед собой полуголого боцмана. Данилов неторопко, словно в предбаннике, разминал руками новую исподнюю рубаху. Лицо его было еще темнее, еще строже и неподвижнее обычного. И у Петьки мелькнула шальная мысль, что

это вовсе не лицо, а древняя икона, висевшая в избе у Петькиной бабки.

— Там вода... обшивку сломала,— выговорил наконец Петька.

Боцман кивнул и спокойно стал надевать рубаху. Петьке показалось, что Данилов не понял.

— Вода, говорю! — громче повторил Петька.

— Не ори, зук, я не глухой! — Боцман пронзительно поглядел на Петьку. — Море крику не любит. Ты-ка лучше печку растопи. Хоть согреться перед смертью. А то морюшко-то наше студе-еное!.. Охо-хо, шесть десятков его пахал, а таким не видывал. За грехи, видно, наши конец приготовлен...

— Я не хочу помирать! — зло выдохнул Петька в иконное лицо боцмана.

Но тот только усмехнулся и пожал плечами.

— И я не хочу, так что?.. Стой!.. Топи сначала печь! Кому сказано?!

Чтобы не разреветься, Петька стиснул зубы и присел на корточки у печки. Дрова были сухие и разгорелись скоро. Но всякий раз, когда «Онега» взлетала на гребень волны, дым из печки валил назад — едкий, удушливый, перемешанный с горячей золой. Задыхаясь и кашляя, Петька закрыл кулаками глаза. А боцман перекрестился и лег на койку — бородой кверху, руки крестом.

Так их и застал Афанасьич. Войдя, он скользнул взглядом по боцману, недобро крикнул и сквозь зубы спросил Петьку:

— А ты тут зачем? Пошто помпу бросил?

Петька оторопело вскочил.

— Я... меня боцман заставил! Я сказать пришел, что в трюме неладно, а он: «Топи, говорит, хоть помрем в тепле».

— Не давись словами. Что в трюме?

— Заборка, Афанасьич. А может, показалось...

— Ладно. Передохни, у помпы Сергей постоит. Да не слушай этого Христосика: он уж который раз помирает.

Афанасьич еще раз внимательно поглядел на боцмана и вы-

шел. Побоявшись снова остаться наедине с боцманом, Петька выскользнул следом. От свежего воздуха, от ветра у него закружилась голова. Уцепившись за дверную скобу, Петька долго стоял с закрытыми глазами и слушал рев моря. При каждом падении палубы к горлу медленно подкатывала теплая кисловатая тошнота. «Держаться надо! — приказал себе Петька. — Держаться...»

В себя его привели голоса и топот сапог на трапе. Петька открыл глаза: на палубе качались два черных силуэта. Он узнал Афанасьича и старпома.

— Если с кия оторвалась, тогда конец! — расслышал Петька слова капитана.

Старпом что-то закричал в ответ, но ветер смял его голос, и до Петьки долетели только обрывки фразы:

— ...рассвета вряд ли... машина...

Старпом безнадежно махнул рукой и отвернулся. Потом они оба исчезли на мостике.

— Вот те и на! — пробормотал Петька. — Стало быть, машина сдает...

Он задрал голову и с минуту разглядывал небо, но тучи были по-прежнему непроницаемы и тяжелы. Ни намека на рассвет. Ни одной звезды. Только где-то на горизонте небо мутнело, будто размытое молоком, и море там отливало бурым дегтярным блеском.

Петька представил себе, как густа и холодна сейчас вода. Под пистолетом не полез бы! У него по спине даже мурашки поползли, а мысли вдруг перескочили на Серегу.

«Как он там один-то, боязно, поди, — с беспокойством подумал Петька. — А я тут прохлаждаюсь...»

Пригнувшись и пружиня ногами, он бросился к трапу. Серега сидел на ящике, несчастный, маленький и мокрый, как та крыса. И Петька понял, что он даже не подходил к помпе. Вода теперь почти достигала колен.

— Расселся, богомол!.. — наливаясь яростью, заорал Петька. — Ручки боишься замарать, а шкуру твою другие спасать должны?!

Сергеа только лязгнул в ответ зубами и съежился еще больше.

«Совсем одурел парень от страха», — подумал Петька и внезапно почувствовал себя намного старше и сильнее Сереги. Гнев его как-то сразу погас, осталась только острая жалость к товарищу.

— Ну, ты это... не серчай, — мирно сказал Петька. — Я, брат, тоже боюсь. Все боятся... А ты как думал? Кто в море не бывал, тот и горя не видал. Во, глянь, все ногти ободрал, и то помалкиваю. — Петька показал красные, распухшие руки и улыбнулся через силу.

Сергеа тоже выдавил короткий, дребезжащий смешок:

— Дак я ничего, зазяб маленько...

— За помпой согреешься, — успокоил Петька и, глядя Сергее в глаза, твердо соврал: — А к утру спасательный пароход подойдет.

— Парохо-од?! — радостно и недоверчиво охнул Сергеа.

— Ну, ясно. Старпом по радио SOS давал. Обещали прийти. Только, отвечают, не раньше, как к утру. А нам что — посидим да подождем. Верно я говорю?.. А теперь давай покачаем.

Работали до седьмого пота. Час или два — Петька не мог сказать.

Остановились тогда, когда из грохота волн и кряхтения помпы исчез какой-то привычный, почти незаметный звук.

«Машина заглохла?» — не сразу понял Петька. Словно прочитав его догадку, Сергеа облизнул пересохшие губы и эхом повторил:

— Заглохла...

— А ты уж испугался, чудак! — насмешливо сказал Петька. — Это ж они бензин приберегают. Мне Валька сказывал.

И Сергеа поверил опять, потому что хотел поверить, потому что качка стала еще сильнее и беспорядочнее.

— Совсем погодка разгулялась! — пробормотал Петька и, помолчав, сказал: — Слажу, однако, наверх. Погляжу, что там делается. Да ты не бойся, я моментом назад.

Но назад Петьке вернуться не пришлось. Наверху он с удивлением обнаружил, что ветер почти утих, а над морем повис зыбкий рассвет. Петька попробовал сообразить, отчего же усилилась качка. «Наверно, без машины-то шибче болтает»,— решил он и, принаравливаясь к ходуном ходившей палубе, пошел на капитанский мостик.

На мостике о чем-то негромко совещались Афанасьич и старпом. Заметив Петьку, оба умолкли. Потом капитан спросил неестественно веселым голосом:

— Ну, Петра, как там у вас житье-бытье?

Петька на шутку не отозвался. Ответил коротко и хмуро:

— Прибывает. Через час будем пузыри пускать.

— Ну-ну,— сказал Афанасьич, и над глазами у него затопорщился боярышник.— Раненько еще об этом толковать.

— Может, все-таки бросим якорь?— сказал старпом.

— И что?— повернулся к нему капитан.— Что толку?

— Лучше одного, чем всех, капитан...

Афанасьич замотал головой и уставился в пол.

— Не могу я, Ираклий, человека на смерть посылать. Видит бог, не могу.

— Тогда пусть команда решит.

— Пусть,— сказал капитан и повернулся спиной.

Через пять минут команда «Онеги» собралась на палубе.

Первым заговорил старпом. И голос его— низкий, чуть горький— странно не вязался с лицом. Голос был спокойным, обычным, а лицо вспыхивало неровными смугло-красными пятнами.

— Капитан не может послать человека. Зачем говоришь так? А если человек сам пойдет?.. Товарищи, зачем нам тонуть? Посылайте меня! Я найду, где вода бежит!

— Не кипятись,— остановил старпома Афанасьич.— Дело надо говорить, а ты городишь незнамо что. Ну какой прок тебя посылать, когда в тебе одного весу пять пудов? Стукнет о борт раза два— и дух вон. Тут в человеке не сила, а легкость да хватка нужны. И спускать его сподручней...

Капитан замолчал и глазами стал ощупывать команду — одного за другим. Остановился на Вальке Филине. Валька покраснел, проглотил слюну, желтые глаза его еще больше округлились.

— Ты, Афанасьич, это... не сомневайся. В лучшем виде сделаю.

— Здоров чересчур, не подойдешь, — буркнул Афанасьич недовольно, но Петька успел заметить, как потеплели глаза старика. — А вот Сергей в самый раз!

Последние слова капитан произнес быстро и резко, словно не глядя всадил в Данилова несколько пуль. Сергей вздрогнул, пошатнулся и сразу обмяк, посерел в лице.

— Я?... Почему же я? — растерянно вскрикнул он.

— Потому, что ты в самый раз, — упрямо повторил капитан.

Сергей попятился к борту и оттуда отчаянно закричал, срываясь на визг, закатывая глаза:

— Утопить хотите?! Своя-то жизнь дорога, да? Не хотите помирать? А я хочу?! Нашли дурака!..

Сергея вдруг умолк, будто подавился. И стало очень тихо. Потом Петька увидел, как страшно побелели и задержались губы у старпома. Стиснув костлявые кулаки, старпом как-то боком пошел на Сергея. И все слышали, как он бормотал:

— Шакал! Трусливая гадина!..

«Господи, убьет ведь!» — тоскливо подумал Петька и почти увидел, как под кулаком Ираклия хрястнет прыгающая челюсть Сергея и он полетит за борт, в густую дегтярную воду. Срывающимся, тонким голосом, полным мучительного стыда за товарища, Петька закричал:

— Стойте, да стойте же!!!

Но Ираклий даже не повернул головы. Подойдя к Сергею вплотную, он еще раз повторил:

— Трусливая гадина, тьфу!

Сергей отшатнулся. Чтобы не видеть лица Сергея, Петька опустил голову и тихо попросил:

— Можно, я пойду?... Я ведь полегче его.

Капитан кивнул. А люди сразу зашевелились, зашумели. И Петька понял, что им было так же тяжело и стыдно, как ему. Полетел в воду лот. И Валька Филин облегченно крикнул:

— Двенадцать, Афанасьич!

«Значит, до берега недалеко», — подумал Петька. И ему представилось почему-то, как хорошо и покойно, должно быть, сейчас на берегу. Будто в полусне, он почувствовал, что его обвязывают канатом, в полусне же услышал грохот якорной цепи.

«А якорь-то старинный, адмиралтейский», — опять некстати мелькнула мысль.

— Кажись, всё, — долетел голос Афанасьича. — Смотри, Петра, на тебя надежда.

Петька кивнул и, кряхтя, полез через борт.

Его сразу стряхнуло вниз, и, не успев еще почуять холода воды, он дважды стукнулся головой об обшивку. Перед глазами завертелись зеленые, оранжевые кольца. Потом словно обручем сдавило грудь, и Петьке показалось, что он попал в кипяток. Хотел крикнуть, застонать — и не мог. И опять волна швырнула его на борт, так что в теле заныла каждая жилка. Прижимаясь к обшивке и подгребая левой рукой, Петька заскользил вперед. Иногда волны налетали сбоку, и он, как мяч, бился и отлетал от стены.

И вдруг он увидел... увидел брешь, когда волна отхлынула от борта! В спокойную погоду брешь была над водой — просто вылетел ерш и отстала доска.

— Ерш давайте!.. — что есть мочи заорал Петька, захлебываясь соленой, как огуречный рассол, водой.

Наверху, видно, ждали его сигнала, потому что через секунду Петька увидел над головой бечевку-маятник, а на ней молоток и костыль. Раз десять груз пролетал мимо. Петька уже отчаялся, когда наконец удалось поймать его.

— Подтяни-и! — крикнул Петька.

И веревка тут же больно врезалась в тело, приподняв его из воды.

«Только б голову не разбить, только б голову!..» — вертелась

у Петьки одна и та же мысль, а руки машинально нащупывали в доске отверстие для ерша.

Есть! Теперь остается вогнать костыль... Как все это просто сделать наверху, где волны не колотят тебя о борт, будто дохлую рыбину, где послушны руки и ноги, где рот не заливают ледяной водой!

Когда отхлынула очередная волна, Петька с остервенением стал бить по костылю. Он даже не чувствовал боли в разможенных пальцах: молоток то и дело попадал по руке.

Удар! Еще удар! Последний... последний!!!

— Все! — сквозь прокушенные губы выдохнул Петька и потерял сознание...

Очнулся он в кубрике оттого, что чьи-то жесткие руки стали растирать его тело. Петька застонал, открыл глаза и встретился взглядом с Афанасьичем.

— Жив? — не то спросил, не то сказал Афанасьич. — Выпусти молоток, Петра, никак руку-то не могли разжать. Да на-ка вот, выпей...

Капитан подал Петьке кружку со спиртом. Петька выпил, задохнулся, затряс головой. Где-то рядом с сердцем повернулся и стал таять острый кусок льда.

— Ух ты-ы! — шепотом сказал Петька и неожиданно заплакал, неумело, сдавленно, дергаясь и вздрагивая всем телом.

Афанасьич заскорузлой ладонью гладил его по лопаткам, кивал бородой и говорил серьезно:

— Ишь, простуда-то слезами пошла. Это хорошо, это не беда... До свадьбы забудется. А свадьбу мы тебе настоящую делаем. Потому что ты сам человек стоящий...

Говорил и глядел в иллюминатор, где изредка проносились маленькие стремительные чайки — по-северному зуйки...

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЕЖКА. <i>Повесть</i>	3
ОДНАЖДЫ НА БОЛЬШОЙ РЕКЕ. <i>Рассказ</i> .	73
ЗУЕК. <i>Рассказ</i>	84

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Качаев Юрий Григорьевич

Т А Е Ж К А

Ответственный редактор И. В. Пахомова.

Художественный редактор Н. Э. Левинская.

Технический редактор Т. А. Юрханова.

Корректор Т. Ф. Юдичева.

Сдано в набор 3/XII 1971 г. Подписано к печати 17/III 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,6. (Уч.-изд. л. 4,82). Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 286. А03265. Цена 29 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сушеский вал, 49, Зак. 3366.

Цена 29 коп.